

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ
ПРОКЛЯТАЯ
УСАДЬБА

Черная кошка

Николай Леонов

Проклятая усадьба

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Проклятая усадьба / Н. И. Леонов — «Эксмо», 2016 — (Черная кошка)

ISBN 978-5-699-92858-3

Банкир Аркадий Кононов убит в усадьбе своего друга при весьма загадочных обстоятельствах. Что это — месть конкурентов, семейные разборки или любовная интрига? Следователь МУРа Лев Гуров приступает к расследованию. Он лично знаком с каждым из подозреваемых — не так давно полковнику довелось отдыхать в их компании. Гуров пытается разобраться в непростых отношениях между родными и близкими банкира и, в конце концов, выдвигает свою версию убийства. Поначалу она кажется невероятной, но после того, как над головой сыщика начинают свистеть пули, а в усадьбе появляется еще один труп, становится ясно: следователь попал на след настоящего убийцы.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92858-3

© Леонов Н. И., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Проклятая усадьба	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	33
Глава 8	37
Глава 9	40
Глава 10	43
Глава 11	47
Глава 12	51
Глава 13	56
Глава 14	61
Глава 15	65
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Николай Леонов

Проклятая усадьба

© Макеев А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Проклятая усадьба

Глава 1

– Вот и приехали! – заявил водитель, останавливая машину под козырьком навеса. – Нет-нет, вы не беспокойтесь, сумку вашу я отнесу.

– Я свои вещи сам привык носить, – попробовал возразить Гуров.

– Ну, тут уж ничего не поделаешь, у нас так принято, – настаивал водитель. – А то Игорь Арсеньевич увидит, что я вам не помог, будет сердиться.

– Ладно уж, только ради твоих премиальных... – пробурчал Гуров, оставив свою драгоценную сумку на произвол водителя.

– А вы ступайте в дом, да не спеша, – посоветовал его чичероне. – Поглядите на дом, на парк. У нас есть на что посмотреть.

И с этими словами удалился. А Гуров воспользовался советом и стал оглядываться.

Стоял прекрасный день начала августа. Жара, стоявшая в Центральной России весь июль, уже спала, наступили самые приятные дни лета. Особенно хорошо эта пора воспринималась здесь, в усадьбе, расположенной в самом сердце Кашинской губернии.

С первого взгляда Гурову показалось, что он находится не в парке, в центре богатой усадьбы, а где-то в сердце дремучего леса – об этом говорили вековые ели, окружившие парковку, тропа, петляющая между скалами, журчание лесного ручья. Но стоило приглядеться, и становилось заметно, что дремучесть и неухоженность здешнего пейзажа – кажущиеся, и на самом деле является результатом больших усилий. Гранитные валуны, из которых были сложены скалы, явно были привезены издалека; на их уступах были разбиты клумбы, так что мрачные валуны оделись в яркий цветочный наряд; тропинки посыпаны кирпичной крошкой; лесные ручьи текли по искусственному руслу, образуя водопады и пруды. Такой «дремучий лес» стоил немалых денег.

Гуров прошел по тропе, по которой ушел водитель, и увидел заросший кувшинками пруд, а за ним – дом причудливой архитектуры. Дом был вроде бы скромный, но Гуров видел немало жилищ богатых людей и теперь сразу понял, что этот домик рисовал не сам хозяин на коленке; нет, его проектировал хороший архитектор.

Лев Иванович не успел как следует разглядеть все детали усадьбы. Дверь дома растворилась, и навстречу Гурову поспешил высокий черноволосый человек с волевым лицом. Это был хороший знакомый Гурова банкир Аркадий Ильич Кононов – собственно, он и пригласил сыщика сюда на отдых.

Знакомство сыщика Гурова и банкира Коконова произошло два года назад при довольно трагических обстоятельствах: полковник Гуров расследовал дело банкира, которого обвинили в убийстве своего заместителя. У следователя, который начал вести это дело, было готово обвинение против Коконова, которому грозил немалый срок. Собственно, банкир уже начал отбывать срок – он сидел в СИЗО. Когда Гуров стал разбираться в собранных следствием уликах, доказательная база обвинения стала рушиться как карточный домик. Зато в поле зрения полковника появились новые фигуры – банда вымогателей, которые хотели прибрать к своим рукам основанный Коконовым банк. Спасенный от тюрьмы банкир проникся к полковнику глубокой благодарностью. Зная, что тот не принимает никаких подношений, он старался выразить свои дружеские чувства тем, что приглашал Гурова отдохнуть в разных местах, принадлежащих его друзьям или ему самому. Теперь он пригласил знаменитого сыщика провести часть отпуска (Гуров не мог себе позволить отдохнуть хотя бы две недели подряд; максимум

– неделю) в усадьбе «Комарики» в Кашинской губернии. Усадьба принадлежала другу и деловому партнеру Кононова – миллиардеру Игорю Вдовину.

– Лев Иванович, наконец-то! – воскликнул банкир; голос у него был низкий, рокочущий. – Мы тебя еще позавчера ждали; Николай, водитель, два дня ездил на станцию, тебя встречать. Ты чего так задержался? Ведь у тебя отпуск уже три дня как начался, ты сам говорил!

– Отпуск начался, да дела отпускать не хотят, – усмехнулся сыщик. – То одно, то другое. Мог и сегодня не приехать.

– Это было бы очень печально, – трагическим тоном заявил Кононов.

– А что такое? – спросил Гуров.

– Пришлось бы мне лезть на ель и кричать оттуда глухарем – такой спор у меня с Игорем вышел, – объяснил банкир. – Он так и заявил: «Вот увидишь, не приедет твой Гуров. Я про него слышал – он настоящий трудоголик, и ничто, кроме расследования преступлений, его не интересует». Ну а я уверял, что ты все-таки приедешь.

– Может, зря я это сделал? – сказал Гуров, придав лицу выражение глубоких сомнений. – Может, лучше взять да и уехать, пока меня никто не видел?

– Это отчего же? – удивился банкир.

– Ну, думаю, тебе было бы полезно заняться высотными тренировками, – отвечал Гуров. – И потом, умение кричать глухарем – редкое умение, им не все могут похвастаться.

Банкир только теперь понял, что сыщик шутит, и громко расхохотался.

– Нет уж, давай я тренировками в другой раз займусь! Уехать из такого места – просто преступление. Ты не представляешь, какая в здешних местах охота! Бекас, перепел, куропатка... А еще на кабана сходить можно. А рыбалка? Тут речка есть, и там в заводях только что киты не водятся! А вечером...

Аркадий Ильич закрыл глаза; лицо его выразило крайнюю степень восхищения.

– У Игоря такой повар, – сообщил он, – что в Москве не всякий ресторан такого повара имеет. В основном этот повар, Никита, специализируется на русской кухне – ну, там всякие расстегаи, кулебяки, мясо, запеченное с картошкой, – но хорошо разбирается также в кухне итальянской, японской и французской. Может сделать и суши, и фрикасе, и эскалоп, и вообще что хочешь. А вина! Впрочем, я знаю, что ты до вин небольшой охотник и всякой лозе предпочитаешь известный русский напиток – но и водок здесь отличный выбор. Ну, и потом, не одной же гастрономией жив человек! Ирина чудесно играет, поет...

– Ирина – это жена? – уточнил Гуров.

– Ну да, чудесная женщина. Вообще тут очень интересно. Я еще не перечислил сауну со всеми причиндалами, кинозал, теннис... А другие гости!

– А моря нет? – деловито осведомился Гуров.

Банкир растерялся.

– Моря? Но в наших широтах, сам понимаешь... Тут в пятидесяти километрах есть озеро, довольно большое...

– Ну, что мне озеро! – произнес Гуров тоном капризного туриста. – Вот если бы тут было море с золотой рыбкой, что желания исполняет...

Аркадий Кононов, поняв, что его вновь разыграли, снова захохотал.

– И что бы ты потребовал от золотой рыбки, если бы она к тебе в сети попала? – спросил он.

– Ну, что... – задумчиво сказал Гуров. – Во-первых, чтобы нашла мне доказательную базу и все улики по делу о разбое в районе Ховрино – я над этим делом уже месяц бьюсь, а во-вторых, помогла бы сдвинуть тебя с места, а то мы здесь уже добрые четверть часа стоим перед домом. И я так чувствую, что я весь отпуск так и проведу на этом пятачке, слушая твои сладкие песни о здешних красотах!

– О, как я счастлив, о славный следователь Лев ибн Иванович, что это твое желание могу исполнить! – воскликнул банкир, срываясь с места и увлекая сыщика к дому. – Пойдем же, я тебя представлю хозяевам!

Они поднялись по широким ступеням, открыли дверь и оказались в просторном холле. Он был выполнен в том же «природном» стиле, что и парк, и сам дом снаружи: стены не знали, что такое прямые углы, и плавно изгибались, переходя в широкий коридор, ведущий в глубь дома; наверх, на второй этаж, вела лестница из мореного дуба.

Не успел гость толком оглядеться, как в коридоре послышались голоса, и в холл вышли два человека с теннисными ракетками в руках. Впереди шла молодая женщина лет тридцати. Золотистые волосы с расчетливой небрежностью обрамляли ее миловидное лицо, на котором выделялись большие карие глаза и яркий красивый рот. Это, несомненно, была сама Ирина Вдовина, хозяйка дома. И она, несомненно, была человеком, привыкшим к общему вниманию. И Гуров уже собрался ее приветствовать; однако ее спутник, немолодой уже, довольно грузный мужчина, невольно привлек его внимание и заставил взглянуть на себя пристальней. «Где-то я его уже видел! – подумал Гуров. – И совсем недавно! Но где?» Однако дальше раздумывать было невежливо, тем более что Кононов своим звучным голосом уже произнес:

– Вот, Ирина Васильевна, позвольте представить вам нашего знаменитого гостя Льва Ивановича Гурова. Лев Иванович – сыщик, которого знает вся Москва! А это хозяйка дома, Ирина Васильевна.

Последнюю фразу он произнес, уже повернувшись к Гурову.

– Очень рада, – произнесла хозяйка, протягивая гостю руку. Голос у нее был милый, очень соответствовавший всему ее облику. – Я много о вас слышала.

– Я тоже рад, – отвечал Гуров, чуть пожав тонкие, но сильные пальцы женщины. – Представляю, что вам мог рассказать обо мне Аркадий Ильич. Небось все какие-нибудь погони да перестрелки. Вы не верьте – он мою работу сильно приукрашивает. И потом, не такой уж я знаменитый. Что называется, «широко известен в узких кругах». Мне кажется, здесь есть человек, гораздо более известный, чем я.

С этими словами он повернулся к немолодому спутнику хозяйки.

– Мне кажется, я вас видел, – сказал он. – И даже вспомнил, где – по телику. Кажется, вы певец. Я не ошибаюсь?

– Браво, Лев Иванович! – воскликнул Кононов. – При твоем равнодушии ко всему, что не касается сферы следствия, такие знания можно считать просто энциклопедическими. Ты не ошибся – перед тобой сам Олег Сеницын, знаменитый автор и исполнитель!

– Ну да, конечно! – в свою очередь, воскликнул Гуров. – Точно, я вас помню. Вас моя жена очень любит слушать.

– А ведь это комплимент, и хороший, – заметил Кононов, обращаясь к Сеницыну. – Ведь жена Льва Ивановича – оперная певица, и довольно известная. Так что ее оценка много значит.

– Очень рад, – отозвался на все эти тирады знаменитый певец, скупно улыбнувшись Гурову. Впрочем, улыбка у него была хоть и скупая, но хорошая, искренняя. И в целом он сыщику понравился. Он видел немало знаменитостей, знал, как они себя держат; Сеницын на их фоне выглядел очень скромным человеком.

– Вы к нам надолго? – спросила у гостя Ирина Вдовина.

– Да, надолго, собираюсь до конца недели прожить, – отвечал сыщик.

– Разве это надолго? – рассмеялась Ирина. – У нас тут есть чем заняться, что посмотреть. Так что гости по месяцу живут, даже дольше.

– Да я уже Льву Ивановичу расписывал все прелести вашего имения, – сказал Кононов. – Только не знаю, произвел ли нужное впечатление. Но вы учтите, Ирина, для Льва Ивановича неделя – это и правда большой срок, он иногда и трех дней в году не отдыхает, все делами занимается.

– Как мне вас жаль! – воскликнула хозяйка. – Впрочем, еще неизвестно, что лучше. Такая увлеченность делом говорит, что дело того стоит. Но мне хотелось бы, чтобы вы у нас хорошо отдохнули. Может, пойдете с нами на корт? Я вам уступлю ракетку, сыграете с Олегом партию...

– Спасибо за предложение, но я в теннисе полный профан, – признался Гуров.

– Не может быть, чтобы знаменитый Гуров в чем-то был профаном! – послышался голос сверху.

Гуров поднял голову. По лестнице в холл спускался щуплый, узкоплечий человек лет сорока пяти, с водянистыми, слегка навываде глазами и заметной залысиной. Это, разумеется, был сам владелец усадьбы «Комарики», а также Кашинского металлургического комбината Игорь Арсеньевич Вдовин.

– Очень рад знакомству, – сказал он, подходя к гостю и протягивая руку. – Много о вас слышал. Но, я смотрю, вас здесь держат, не дают пройти в комнату, отдохнуть с дороги. Это непорядок. Сейчас я... Марина! – громко позвал он.

Тут же наверху зацокали каблучки, и в холл сбегала невысокая миловидная брюнетка, совсем молоденькая, вряд ли старше двадцати. Она была в скромном платье, которое облегалo ее стройную фигуру; белый передник и такая же накладка на голове выдавали ее должность.

– Это Марина, одна из наших двух горничных, – представил ее Вдовин. – Если что нужно – обращайтесь к ней. Мариночка, проводи Льва Ивановича в его комнату, покажи, где тут что. В общем, прояви гостеприимство.

– Хорошо, Игорь Арсеньевич! – отвечала Марина; голос у нее был звонкий, словно колокольчик. – Идемте, я вам все покажу, – обратилась она к Гурову.

Вслед за прекрасной провожатой Гуров поднялся на второй этаж и по коридору проследовал в отведенную ему комнату. Она была угловая, на два окна; одно выходило на юг, где местность понижалась и открывался вид на речную долину; другое глядело на заднюю часть дома, в парк. Марина продемонстрировала гостю только что застеленную кровать; шкаф, где стояла его драгоценная сумка – уже пустая; одежда вся висела на плечиках; душ; сообщила, что обеда в русском понимании в усадьбе нет, а есть ланч, который он, к сожалению, пропустил. В пять часов будет подан чай, а в семь всех пригласят на ужин. Но если уважаемый Лев Иванович проголодался с дороги (а скорее всего, так и есть), то она приглашает его пройти на кухню, где повар Никита вмиг соорудит ему какую-нибудь закуску, по желанию. Гуров подумал, поглядел на часы (до пяти было еще далеко) и согласился.

После того что он слышал о чудо-поваре Никите, он представлял его себе солидным дядькой с брюшком. На деле же повар оказался еще молодым парнем, худым, черноволосым, с тонкими усиками на верхней губе, быстрым, ловким и подвижным – похожим то ли на акробата, то ли на пирата. «Такому не за плитой стоять, а бандитов по ночам ловить», – подумал Гуров, наблюдая за хозяином кухни. Выслушав сообщение Марины о голодном госте, усатый пират вмиг соорудил тарелку с двумя видами салата и аппетитным куском мяса посредине; кроме того, подал гостю отдельную тарелочку, где стояла пузатая рюмка с зеленоватого цвета жидкостью и лежал кусок селедки по соседству с вилокoй.

– Это наша фирменная настойка, на травах, – сообщил Никита. – Всех гостей угощаем. Вам такую еще перед ужином поднесут. Ну а вы сейчас попробуйте – не пожалеете.

– Это что – как водка? – осведомился Гуров.

– Да нет, я ее на спирту делаю, – усмехнулся Никита. – Так что покрепче водки будет, имейте в виду.

– Не пугай, не из пугливых, – ответил Гуров и опрокинул фирменную настойку в рот.

Тут же выяснилось, что селедка приготовлена не зря. Да и блюдо с двумя салатами тоже пришлось впору после фирменного напитка – в настойке, по прикидкам Гурова, было градусов 60.

Он поел, потом отправился гулять по парку, затем поднялся к себе в комнату, принял душ и соснул минут двадцать. Тут позвали пить чай. За чаем Гуров познакомился с остальными обитателями «Комариков». Оказалось, что, кроме хозяина и его жены, банкира Кононова и певца Синицына, в усадьбе также жили две дамы – жена Кононова Татьяна, сухопарая и некрасивая дама сорока лет, и подруга певца Наташа – чудное создание лет, казалось, шестнадцати (позже выяснилось – восемнадцати), сошедшее прямо со страниц журнала мод. За столом она говорила мало, в основном помалкивала и улыбалась. Оказался здесь и еще один знакомый хозяина – Сергей Сергеевич Сургучев, которого представили как финансиста; про себя же Гуров окрестил его спекулянтом. Разговор за чаем вертелся вокруг разных видов отдыха – рыбалки, охоты, тенниса, прогулок. Раззадоренный этими разговорами, после чая Гуров согласился сыграть пару партий в бильярд с Кононовым, а затем еще и попытался освоить теннис под руководством прекрасной Ирины Вдовиной.

За этими занятиями он и не заметил, как подошло время ужина. За ужином Гуров вполне оценил кулинарные таланты повара Никиты, а также умение Ирины Вдовиной вести беседу так, чтобы она не утихала, и каждый, сидящий за столом, имел возможность высказаться. После ужина компания переместилась в гостиную, Ирина села к роялю, спела несколько романсов. Все поглядывали на знаменитого автора и исполнителя, но спеть его никто не просил – как сообщил Гурову на ухо Кононов, Олег Синицын согласился приехать в усадьбу как гость, а не как певец. Потом, когда было уже совсем поздно, Гуров в компании хозяина, хозяйки и Аркадия Кононова пошел гулять вдоль реки.

Так началась жизнь Льва Гурова в лесной усадьбе. Он ловил рыбу, пару раз сходил с Кононовым и Сургучевым на охоту, играл в бильярд и теннис – в общем, проводил время с большим удовольствием. Оценил он и кулинарные таланты повара Никиты, перепробовал блюда, которых не ел до этого никогда. Доставляли ему удовольствие и разговоры за столом. Люди все собрались знающие, интересные, много повидавшие, и разговор мог коснуться самых неожиданных тем – например, охоты на львов в разных странах Африки – финансист Сургучев, как оказалось, был большим любителем сафари. Каждый вечер Ирина Вдовина садилась за фортепиано, играла и пела. Иногда Олег Синицын приносил из своей комнаты гитару и подыгрывал ей; а однажды, уже перед самым отъездом Гурова из усадьбы, на него напало песенное настроение, и знаменитый автор спел несколько своих композиций. В общем, жаловаться на скуку и отсутствие впечатлений не приходилось.

На третий день пребывания Гурова в «Комариках» в усадьбе появилось новое лицо – сын Вдовина от первого брака Андрей. Это был довольно высокий юноша двадцати лет, загорелый, улыбчивый, с модной стрижкой, хорошо говорящий по-английски и всегда имеющий пару предложений о веселом проведении досуга – в общем, типичный представитель столичной обеспеченной молодежи. Гуров повидал немало таких молодых людей, когда занимался делами о мошенничестве или отжиге бизнеса; иногда они проходили как свидетели, иногда как потерпевшие, а иногда – и как обвиняемые.

Ко времени появления Андрея сыщик уже достаточно хорошо изучил всех обитателей усадьбы и о каждом составил свое мнение. Кононова он и до этого неплохо знал; теперь же узнал и его делового партнера Вдовина. Это был умный, сведущий, всегда сдержанный человек, никогда не говорящий откровенно. Его жена Ирина была полной противоположностью мужа. Гуров вначале считал ее вечернюю игру на фортепиано данью моде, в общем, каким-то выпендрежем. Однако потом понял, что играть, петь, собирать картины (Ирина Вдовина часто посещала выставки молодых художников, приобретала работы) было для нее душевной потребностью. Жена промышленника Вдовина была человеком вовсе не расчетливым. А еще Гуров отметил, что ее симпатия к знаменитому автору Синицыну, пожалуй, выходит за рамки простого уважения к таланту. «Впрочем, не мое это дело, – решил про себя сыщик, заметив

этот факт. – Мое дело – убийства, а не шуры-муры. Тут и среди обслуги наверняка всякие романы есть; вон Никита с Мариной как друг на дружку поглядывают. И пускай».

В общем, Лев Иванович хорошо отдохнул эту неделю в «Комариках» и уехал из усадьбы с чувством, что хорошо и с толком провел время. Правда, с владельцем усадьбы он за эту неделю так и не сблизился – Вдовин все время держался с ним осторожно. Поэтому Гуров был уверен, что никогда больше не вернется на берега речки Кашинки и не будет отдыхать в замечательном тамошнем парке. Однако вышло иначе...

Глава 2

Прошло всего два дня с того момента, как Гуров вернулся в Москву и снова занялся делом о разбойных нападениях в Ховрино, как вдруг его вызвал генерал Орлов. Начальник редко вызывал к себе полковника Гурова и никогда не делал этого по пустякам. Узнав о приглашении «на ковер», Гуров решил, что речь пойдет о том самом разбойном деле, которое он все никак не мог представить в суд. Потому он собрал все документы, подготовил соображения и отправился к генералу.

Однако, войдя в кабинет Орлова, Гуров с удивлением отметил, что генерал не один – в кресле возле его стола, уронив голову на руки, сидела какая-то женщина. И еще больше удивился сыщик, когда женщина подняла голову, и Гуров узнал в ней Ирину Вдовину.

– Здравствуйте, товарищ генерал! – приветствовал Гуров начальника. И, обернувшись к посетительнице, приветствовал и ее. И тут он заметил, какая перемена произошла в облике улыбчивой и милой хозяйки усадьбы. Лицо Ирины Васильевны, всегда такое оживленное, осунулось, глаза потускнели; она, казалось, постарела лет на десять.

– Как я понимаю, ты знаком с госпожой Вдовиной? – спросил генерал. – Ну да, ты ведь гостил у них в усадьбе. Тут вот какое дело... Я тебя вызвал, потому что Ирина Васильевна просит твоей помощи.

– Помощи? В чем? – удивился Гуров.

– А вот она сама и скажет.

Гуров, ничего не понимая, повернулся к женщине. Та вскинула голову и воскликнула:

– Помогите Игорю и Андрею! Они ни в чем не виноваты!

В голове Гурова мелькнула догадка. Он начал понимать, что произошло.

– Игоря Арсеньевича и его сына в чем-то обвиняют? – спросил он. – Но если речь идет о неуплате налогов, то это не по моей...

– Нет, тут не налоги! – воскликнула Вдовина. – Совсем не налоги! Моего мужа и сына обвиняют в убийстве!

– Вот как... – протянул Гуров. – Да, это уже моя епархия. А в чем именно состоит обвинение? Кто убит?

– Убили Аркадия Кононова! – сообщила женщина. – Причем при очень странных обстоятельствах. Там есть такие моменты – два-три момента, – которые действительно указывают на Игоря. И есть одна улика против Андрея. Вот прокуратура и предъявила им обоим обвинение. Их уже взяли под стражу, оба находятся в Кашинском СИЗО. Но они точно не убивали, я готова голову дать на отсечение!

– Я понимаю... – произнес Гуров. – Но я не пойму, как я могу вмешаться в дело, если его уже ведет другой следователь. Ведь я не могу быть вашим адвокатом. Какой из меня адвокат?

Тут в разговор вновь вступил генерал Орлов.

– Почему же обязательно адвокатом? – сказал он. – Ты можешь выступить в своей настоящей роли – как сотрудник следствия. Я направлю тебя в Кашин на помощь тамошним следователям. Мы это сделаем ввиду особой важности и сложности расследуемого преступления. Поедешь в Кашин, познакомишься с тамошним областным прокурором. Там во главе прокуратуры стоит Лапин Николай Глебович. Я его неплохо знаю, сотрудничали в прежние годы. Он введет тебя в курс дела.

– А как же Ховрино? – спросил Гуров. – Там дело надо в суд представлять...

– Твой друг Крячко представит, – решительно заявил Орлов. – С этим он без тебя справится. А вот невиновных спасти, если они и правда невиновны, а улики против них – тут твой талант нужен. Так что езжай и ни о чем другом не думай.

– Хорошо, – кивнул Гуров. И затем, обращаясь к женщине, произнес: – Ну что, пойдёмте, Ирина Васильевна. По дороге мне все и расскажете. Я только зайду к Крячко, дам ему нужные указания. Да ещё домой надо будет заехать, захватить кое-что. А то не знаю, сколько придется у вас в Кашине прожить. А потом поедем вместе, на моей «десятке».

– Зачем вам брать вашу машину? – возразила Вдовина. – Я приехала на своей. Даже водителя брать не стала, сама за рулем. Как раз для того, чтобы спокойно вам все рассказать по дороге, без свидетелей. И жить вы будете, наверно, у нас, в «Комариках». А если нужно будет куда-то съездить, возьмете любую машину из гаража.

– Вообще-то я предпочитаю иметь свой транспорт, – заметил Гуров. – Так я чувствую себя спокойнее. Давайте сделаем так: оставьте свой «мерс», или что там у вас, где-нибудь здесь на стоянке или в гараже, и поедем на моем «БТР». У меня в кабине, правда, немного шумно, но зато никаких «жучков» точно нет и разговаривать можно спокойно.

Видно было, что эта идея Вдовиной не очень нравится, но делать было нечего, и она согласилась. И спустя час они уже ехали на север, в сторону шоссе, ведущего в Кашин.

– Ну, теперь рассказывайте, – сказал Гуров. – Все по порядку, и старайтесь ничего не пропускать. Тут будет важна каждая подробность.

– Хорошо, – кивнула женщина. – Значит, дело было так. Вчера рано утром наш садовник Петр Леонидович, как обычно, пошел в парк. Он вообще человек работящий, встает всегда рано и идет пропалывать клумбы, или подстригать розы, или еще какую-то работу делать. Вот и в этот раз он пошел в «зеленый грот». Так у нас называется уголок, где плетистые розы образовали крышу. Очень красивое место, я там сама люблю сидеть. Так вот, когда он зашел в этот грот, то увидел там...

Тут женщина запнулась, словно что-то сдавило ей горло. Затем она справилась с волнением и продолжила:

– Он увидел там человека. Лежащего. Петр Леонидович говорит, что он сразу узнал Аркадия по его рубашке – помните, у него такая рубашка была, в мелкую полоску. Садовник не сразу понял, что случилось. Он сделал еще шаг – и увидел, что человек лежит в луже крови. Тогда он сразу повернулся и бросился искать кого-нибудь, чтобы все рассказать. И первую он нашел меня. Так что можно сказать, что я с самого начала была на месте преступления и все видела своими глазами.

– И что же вы видели?

– Признаться, не так уж много. Аркадий лежал на левом боку. Я сразу поняла, что он был ранен в голову – там крови больше натекло, и уже оттуда она натекла под тело. В руках у него ничего не было. И никаких следов или предметов рядом тоже не было. Впрочем, я недолго там была. Как только я поняла, что речь идет об убийстве, я сразу стала звонить в полицию. И спустя примерно час из Кашина приехала оперативная группа. Если бы я знала, чем кончится их приезд! Лучше бы я не звонила!

– Как вы могли не сообщить об убийстве? – сказал Гуров. – Да, а почему вы так уверенно решили, что было совершено именно убийство? В конце концов, Кононов мог упасть... удаться головой...

– Обо что? Там нет никаких камней, ничего такого.

– А скамейка?

– Откуда вы знаете, что там есть скамейка? – удивилась Вдовина.

– Но вы же сами только что говорили, что любили там сидеть. Не на земле же вы сидели. Значит, там есть скамейка. А скамейки у вас в парке, как я помню, не простые: сиденья у них деревянные, а ручки литые, чугунные. Разве Кононов не мог удариться об эту ручку?

– Не знаю... Мог, наверное... – пробормотала женщина. – Но тогда я сразу поняла, что он убит. Он как-то так лежал... И потом...

Она замолчала. Гуров подождал, что она закончит фразу, а затем спросил:

– Так что же «и потом»?

– Ну, видите ли... – протянула женщина. – Это связано с той вещью, из-за которой... из-за которой Игорю предъявили обвинение. В общем, когда приехала полиция, они нашли в кармане у Аркадия записку. Такой клочок бумаги из блокнота...

Она вновь замолчала, и Гуров был вынужден ей напомнить, что надо продолжать. Ирина Васильевна вздохнула и произнесла:

– Там было написано: «Я это так не оставляю, ты заплатишься за...» А конец оторван. И написано это... В общем, экспертиза быстро установила, что записка написана моим мужем.

– А сам Игорь Арсеньевич что говорит?

– Он убежден, что не писал такой записки. Аркадию – точно не писал. Но почерк действительно похож на его. И блокнот... У него на столе лежит такой, он в нем делает рабочие записи. И поэтому следователь решил, что Кононову угрожали. Муж угрожал. А потом убил.

– Понятно... Полиция быстро приехала?

– Я же говорила – примерно через час.

– И что они установили?

– Установили, что Аркадий был убит выстрелом из пистолета, сделанным с близкого расстояния, примерно в метр. Смерть наступила примерно в час ночи.

– Следователи, конечно, осмотрели место преступления...

– Да, они очень внимательно осмотрели место, где это произошло. Долго осматривали, по кустам лазили, метров на пятьдесят все вокруг осмотрели. Потом допросили всех, кто живет в усадьбе. У всех взяли подписку о невыезде...

– Это они правильно сделали, – заметил Гуров. – Не придется за свидетелями в Москву бегать, а то и дальше. Значит, все, кого я видел, все еще находятся в «Комариках»?

– Нет, не совсем. Олег... ну, Синицын. Он, в общем, отпросился. Съездил в Кашин, к прокурору, объяснил, что у него концерты... И для него сделали исключение. Остальные все – да, на месте. Ну вот, они всех допросили, потом еще поискали в пруду... и нашли пистолет.

– Пистолет?! – воскликнул Гуров. Он был так удивлен, что даже на долю секунды потерял управление, и машина слегка вильнула; к счастью, рядом никого не было. – Что же вы мне сразу не сказали? Где нашли – в пруду?

– Да. Не очень далеко от берега. И он... очень похож на пистолет Игоря.

– Какой пистолет – «макаров»?

– Да.

– Ну, это еще ничего не значит. Все пистолеты одной марки похожи. А где оружие вашего мужа?

– В том-то и дело! – вздохнула Ирина Васильевна. – Нет его. Следователь сразу попросил Игоря показать его пистолет. Он открыл сейф, а там... там пусто. Тогда следователь позвонил в Кашин, прокурору, и получил команду задержать Игоря. Его отвезли в суд, и судья приняла решение об аресте. А потом, уже вечером... они приехали и забрали еще и Андрея. Сказали, что против него тоже есть серьезные улики. Так что теперь у меня и муж, и сын сидят в тюрьме.

– С адвокатом связались?

– Ну конечно! У нас два адвоката – Рыбак Борис Моисеевич и Чирков Сергей Григорьевич. Но Борис Моисеевич в основном по финансовым вопросам, тут лучше него никого нет. Так что сейчас наши интересы представляет Сергей Григорьевич. Он уже там, в Кашине.

– Понятно... – снова произнес Гуров.

Конечно, ему далеко не все в этом деле было понятно. Наоборот, многое казалось странным, даже загадочным. Но большой опыт, накопленный Гуровым, подсказывал, что на этом этапе вряд ли можно получить у Ирины Васильевны какие-то новые существенные сведения. Надо было выслушать другую сторону – сторону обвинения. К тому же они уже миновали границу Московской области и подъезжали к «Комарикам». Впереди показался знакомый поворот

к усадьбе. Гуров, повернул, проехал еще километр и, когда они подъехали к воротам усадьбы, остановил машину, распахнул дверцу.

– Ну, вы мне кое-что рассказали, теперь настала моя очередь действовать, – сказал он. – Идите, постарайтесь отдохнуть, а то на вас лица нет. А я поеду в Кашин. Постараюсь встретиться с прокурором, который ведет дело, со следователем.

– А разве вы не заедете к нам? – спросила Вдовина. – Побеседуете с садовником, который нашел Аркадия, с другими людьми...

– Обязательно побеседую, – заверил ее Гуров. – Только немного позже. Сейчас надо узнать, чем располагает обвинение, выслушать его аргументы. Да и представиться наконец. Это вопрос служебной этики. Как только вернусь, я вам все расскажу, что узнаю.

Ирина Вдовина вышла из машины, но закрыть дверцу и попрощаться с сыщиком не спешила; казалось, ее что-то удерживало.

– Скажите, – вдруг спросила она, – почему вы так странно выразились, что я вам «кое-что рассказала»? Я вам все рассказала, что знала, а не кое-что...

Гуров внимательно посмотрел на нее, а затем ответил:

– Нет, уважаемая Ирина Васильевна, вы мне рассказали отнюдь не все. Например, я обратил внимание, как вы тщательно подчеркнули, что у Аркадия в руках ничего не было и рядом ничего не лежало. К чему такая подробность? Он что, обычно с тросточкой на прогулку ходил? Или, может, с подзорной трубой? Нет, насколько я помню, он никогда ничего в руках не держал. Отсюда я делаю вывод, что тут что-то было не так. И я надеюсь – очень надеюсь! – что при нашей следующей встрече вы мне расскажете действительно все. Иначе мне будет трудно помочь вашим близким.

Глава 3

Прокурор области Николай Глебович Лапин принял Гурова незамедлительно – как видно, уже знал о его приезде от генерала Орлова. Когда сыщик вошел в кабинет, прокурор поднялся ему навстречу, крепко пожал руку, проводил за отдельный столик в углу.

– Мне генерал уже звонил, – сразу сообщил он, чтобы избежать недомолвок. – Сказал, что посылает вас вроде как в помощь нашим следователям. Им, конечно, обидно будет, ну да ничего. Зато в деле ошибок не будет. Потом его в суд будет легче представлять.

– А вы уверены, что дело пойдет в суд? Именно с этими обвиняемыми? – спросил Гуров.

– К сожалению, уверен, – ответил Лапин. – И поверьте, я искренно жалею, что так все поворачивается. Ведь Игорь Арсеньевич для нашей области человек не посторонний. Он тут не только прибыль получал со своего комбината; он большую деятельность вел. Дороги строил, школы, стипендии учредил для одаренных детей. Да всех его проектов и не перечислишь! Кто теперь будет все это вести? Так что для нашей области его арест – это прямо беда. Мне уж и губернатор звонил, спрашивал: нет ли, дескать, ошибки, нельзя ли освободить такого уважаемого человека, ограничиться домашним арестом или подпиской о невыезде...

– А правда – разве нельзя ограничиться одной из этих мер? – спросил Гуров.

– Ну, как же я могу отпустить под домашний арест человека с таким обвинением? – воскликнул прокурор, разводя руками. – Да еще с такими уликами?

– А что, улики действительно серьезные?

– Уж куда серьезнее! Вот судите сами, Лев Иванович. У убитого в кармане обнаружена записка угрожающего содержания. Написана она рукой Игоря Арсеньевича – тут сомнений нет, графологи уже провели экспертизу. И написана на листке, вырванном из блокнота Вдовина, – это следователь тоже установил. Между тем сам Вдовин отрицает, что писал такую записку, говорит, что не помнит такого факта. Вот вам первая улика. Вторая улика – пистолет, найденный нами в пруду. Следствие сегодня утром провело экспертизу и установило, что это то самое оружие, из которого был убит Кононов.

– А пуля?

– Пуля пробила сердце и застряла в мягких тканях спины; врачи ее извлекли. Повторю: нет никаких сомнений, что пуля выпущена из этого пистолета, найденного в пруду. И так же нет сомнений, что это оружие принадлежало Вдовину. Вы же знаете, Лев Иванович, эксперты всегда могут установить, что за оружие перед ними находится. Тут не только номер важен, но и другие признаки.

– Да, это я знаю, – кивнул Гуров. – Но я так вас понимаю, Николай Глебович, что у вас и еще улики есть.

– Да, есть еще одна. Классическая улика, из старого сыщического арсенала.

– Следы? – догадался Гуров.

– Совершенно верно, следы. Там у них песок декоративный, на дорожке, красный такой. Вечером садовник поливал клумбы, и песок тоже полил. На этом мокром песке следы ботинок совершенно отчетливые. Это следы ботинок Игоря Арсеньевича Вдовина. Это он стоял напротив Аркадия Коконова в момент убийства.

Услышав такое, Гуров только головой покачал. Редко ему доводилось встречать такие очевидные, прямые улики, указывающие на виновность конкретного человека – в данном случае владельца усадьбы «Комарики».

– Да, но вы ведь еще и сына Вдовина, Андрея, арестовали, – вспомнил он. – А против него какие обвинения?

– Против младшего Вдовина улики не такие серьезные, – признал прокурор. – Вернее, всего одна улика. Та же самая, что и с отцом – следы на песке.

– Выходит, они вдвоем рядом стояли? И вдвоем стреляли из одного пистолета?

– Понимаю вашу иронию, Лев Иванович. Но она здесь неуместна. Нет, следы кроссовок младшего Вдовина найдены не на площадке, где стоял убитый. Мы их нашли чуть в стороне, за кустами. А заодно – окурок сигареты, которую Андрей Вдовин курил. Он стоял там ночью. А значит, видел и слышал момент убийства. А может быть, и играл в нем какую-то роль. Пока мы не знаем какую, но обязательно выясним.

– Если даже младший Вдовин и был свидетелем убийства (что еще не доказано), то это вовсе не значит, что он в нем участвовал, – заметил Гуров.

– Полностью с вами согласен. Вот и адвокат Вдовиных, этот... Чирков то же самое говорит. Он тут заявил ходатайство об изменении меры пресечения. Что ж, в отношении Андрея Вдовина я, пожалуй, могу пойти на такой шаг. Если мне в ближайшие два дня следствие не представит других убедительных доказательств вины младшего Вдовина, – отпущу его под домашний арест. Но отец останется в СИЗО. Сами видите – доказательства вины слишком серьезные.

– Да, вижу, – согласился Гуров. – Но мы с вами, Николай Глебович, еще один важный вопрос не обсудили. Я имею в виду мотив преступления. Я хорошо знал убитого Аркадия Кононова (собственно, поэтому я и не могу сам расследовать это преступление – тут вопрос этики). Так вот, я могу сказать, что между погибшим и хозяином усадьбы не было никакой вражды, никаких разногласий.

– Тут мы пока не располагаем всеми сведениями, – признал прокурор. – Сами понимаете – с момента убийства еще двух суток не прошло. Сейчас члены следственной бригады изучают все контакты подозреваемого, все его отношения с погибшим – и в сфере бизнеса, и в личных отношениях. И я полагаю, что мотив для преступления мы найдем. В конце концов, не все сделки совершаются открыто, гласно; некоторые проходят с глазу на глаз. А некоторые вообще совершаются через подставных лиц. Одно мы знаем: Кононов был владельцем банка, в котором регулярно кредитовалась компания Вдовина. Возможно, Вдовин запутался в долгах и не мог вернуть кредит. А может, еще что-то. Внешне Вдовин мог сохранять со своим партнером нормальные отношения; возможно, он не испытывал по отношению к нему никакой вражды – просто интересы бизнеса толкали его к убийству.

– Похоже, что вы, Николай Глебович, уже репетируете свое грядущее выступление в суде с обвинительной речью, – заметил Гуров. – Дело хорошее, к выступлениям надо готовиться заранее. В таком случае укажу вам на одну прореху в этой вашей гипотезе, которую можно назвать «ничего личного, один только бизнес». Эта ваша гипотеза полностью противоречит одной из найденных вами улик, а именно записке. Что там сказано? Как я запомнил, там говорится: «Я этого так не оставлю, ты заплатишься за...» Это явная угроза. А когда у людей нормальные отношения, они другу дружке не угрожают. Так что тут одно из двух: либо отношения между Вдовиным и Кононовым давно испортились и убитый совершал какие-то действия, которые возмущали владельца комбината (но тогда почему об этом не знал ни один человек?), либо Вдовин здесь ни при чем и записку убитому подбросили.

– Подбросили? Как это? – вскинулся прокурор.

– А так. Может оказаться, что записка относится к числу так называемых ложных улик. Что кто-то очень хотел подставить Вдовина и положил этот клочок бумаги в карман убитого.

– Вот как? И кто же этот «кто-то»? – скептическим тоном произнес Лапин. – Что-то больно мудреную версию вы излагаете, Лев Иванович.

– Ничего особенно мудреного тут нет, я не раз сталкивался с такими случаями. Впрочем, это выяснится в ходе следствия. Кстати, о следствии. С вами, как представителем обвинения, я познакомился. Теперь надо мне повидаться со своим коллегой, со следователем, который это дело ведет.

– Конечно, надо с коллегой познакомиться, – кивнул Лапин. – Ведет дело старший следователь по особо важным делам Виктор Васильевич Ярыгин. Сейчас я с ним свяжусь, узнаю, где он, готов ли с вами встретиться.

Оказалось, что следователь находится у себя в кабинете и готов встретиться со знаменитым сыщиком из Москвы. Так что спустя короткое время Гуров уже входил в кабинет следователя. Виктор Ярыгин оказался еще молодым человеком – ему едва минуло тридцать. Он был невысокий, крепкий блондин с цепким взглядом. Он был не слишком словоохотлив. И, прежде чем заговорить с Гуровым, долго к нему приглядывался. Словом, это был типичный следователь – Гуров немало повидал таких на своем веку. О деле он рассказывал неохотно, на вопросы отвечал скупно; скажет два-три слова – и снова замолчит. Кроме того, Гуров заметил, что Ярыгин явно не обрадовался появлению столичной знаменитости. Впрочем, это было как раз понятно: кому понравится, когда рядом с тобой будет такой «Шерлок Холмс», хорошо известный начальству.

Побуждаемый настойчивыми расспросами Гурова, следователь рассказал главное. Он подтвердил, что следствие располагает запиской, а также оружием, из которого было совершено убийство. Есть в распоряжении следователей и отчетливые следы ботинок убийцы, и эти отпечатки в точности соответствуют отпечаткам обуви Вдовина.

– А что Вдовин говорит по поводу этих ботинок? – спросил Гуров.

– Он признал, что отпечатки похожи на следы его обуви, – отвечал следователь. – Но заявил, что это старые ботинки, которые он носит очень редко.

– Когда вы его задержали, он был в этих ботинках?

– Нет, он был в кожаных туфлях. А это ботинки такого, знаете, спортивного типа.

– А где вы их нашли?

– У него в шкафу. И на них были частички песка с той самой дорожки. То есть у следствия нет сомнений, что владелец этих ботинок недавно стоял на месте, где было совершено убийство.

– А как сам Вдовин объясняет этот факт?

– Никак. Точно так же он не может объяснить, каким образом пистолет из его сейфа оказался на дне пруда и каким образом записка, написанная его рукой, очутилась в кармане у убитого.

– Но свое участие в убийстве он отрицает?

– Категорически отрицает. Говорит, что тяжело переживает смерть своего друга Аркадия. Утверждает, что у него не было никаких ссор и даже разногласий с покойным.

– А как выглядит его версия той ночи, когда произошло убийство? Где он был, что делал?

– Говорит, что тот вечер и ночь он провел совершенно обычным образом. После ужина он гулял с женой и гостившим у них певцом Синицыным, потом поднялся в кабинет, посмотрел данные о продажах, динамику рынка ценных бумаг – и отправился спать. Спал крепко, ничего не слышал. Об убийстве узнал утром, когда в дом вбежал садовник, который рассказал, что нашел тело.

– А как насчет второго подозреваемого, Вдовина-младшего? Что он рассказывает?

– С младшим Вдовиным дело обстоит лучше, – сказал Ярыгин и слегка улыбнулся. – То есть для нас лучше, для следствия. Отец все время говорит одно и то же. Ну, вы ведь знаете этот прием, когда человеку задают один и тот же вопрос, только чуть иначе формулируют и вставляют его среди других вопросов. Когда человек врет, он зачастую начинает путаться в деталях. Так вот, я провел уже три допроса старшего Вдовина. Каждый раз по несколько раз задавал ему одни и те же вопросы. И он ни разу не спутался в показаниях. А вот с Андреем не так. Он все время меняет показания, путается в деталях. А значит, врет. И когда мы это его вранье разоблачим, узнаем кое-что новое.

– А в чем Андрей путается?

– Во-первых, что он делал вечером и ночью. То он говорит, что гулял, то что в теннис играл, то кино смотрел. Во-вторых, что делал там, возле «зеленого грота». Сначала он заявлял, что его там вообще не было. Потом, когда мы предъявили ему отпечатки его кроссовок, а также окурок сигареты со следами его слюны, он заявил, что просто так стоял. Потом сказал, что ждал Кононова, чтобы посоветоваться с ним о каких-то финансовых вопросах... Однако картина вырисовывается такая, что он к убитому не подходил. Значит, и тут врет. Сегодня вечером буду его в очередной раз допрашивать – наверное, новую версию услышу.

– Я тоже хотел бы послушать, что говорят подозреваемые, – сказал Гуров. – Это я к тому, что надо мне с ними встретиться. Возражений не будет?

– Какие тут возражения? – отвечал Ярыгин. – Сейчас позвоню в СИЗО, вам выпишут пропуск.

Глава 4

Расположившись в комнате для допросов областного СИЗО, Гуров попросил первым привести к нему старшего Вдовина. Вскоре дверь отворилась, пропуская известного предпринимателя. Правда, теперь хозяин металлургического комбината, благотворитель и меценат выглядел совсем иначе, чем его видел Гуров три дня назад. Лицо у него было бледное, осунувшееся, на нем ясно виднелась растерянность.

– Здравствуйте, Игорь Арсеньевич! – приветствовал его сыщик. – Вот уж не думал, что придется увидаться с вами в такой обстановке и при таких обстоятельствах.

– А уж я тем более такого не предполагал, – признался Вдовин.

– Вот давайте с этого и начнем – со всякого рода предчувствий и предположений, – сказал Гуров. – Вам в последнее время не поступало каких-либо сигналов о грядущих неприятностях? Намеков, угроз...

– Знаете, вы прямо в точку попали, – отвечал Вдовин. – Я последние двенадцать часов только об этом и думаю. Все время вспоминаю, не было ли каких сигналов, предупреждений. Я вам, не хвалясь, скажу, что вообще-то у меня неплохая интуиция. Иначе бы я не добился таких успехов в бизнесе. Как правило, я опасность за версту чую. И вот я лежал всю ночь и думал: как же так получилось, что я прошляпил такой мощный наезд?

– А вы думаете, что это был именно наезд?

– А что еще? Я хочу, чтобы вы, Лев Иванович, твердо поняли: я Аркадия не убивал и в голове такого намерения не имел. Однако убийство произошло, и таким образом, что все улики указывают на меня. Весомые улики! Каждая по тонне весом! Случайно такого не бывает. Значит, это убийство было кем-то тщательно подготовлено, спланировано. Кем – другой вопрос. Главный сейчас вопрос – с какой целью. А цель в моем случае может быть только одна – отъем бизнеса. Не вымогательство, а именно отъем. У меня и моей семьи хотят отнять все имущество, целиком. Поэтому в схему включили и моего сына, чтобы он не мог отстаивать интересы семьи.

– А есть какие-то доказательства для этих ваших утверждений? – спросил Гуров.

– Пока нет, – признался Вдовин. – Но ведь пока рано. Пока мне даже обвинение не предъявлено. Вот пройдет неделя-другая, и появятся доказательства моей правоты. Вдруг возникнет какая-нибудь никому не известная фирма или банк, которому мой комбинат якобы должен кучу денег. Появятся обвинения в неуплате налогов в особо крупном размере, иски... Все будет, вот увидите.

– Ладно, давайте пока оставим этот вопрос. Вернемся к тому, с чего мы начали наш разговор, – к сигналам. Так было что-то или не было?

– Вначале я был уверен, что никаких таких намеков не было, – отвечал предприниматель. – Но потом стал вспоминать и кое-что вспомнил. В последний год мне несколько раз говорили, что металлургическое производство, дескать, связано с большими рисками, спрос на металл уменьшается, и надо бы от этого актива избавиться.

– А кто вам давал такие советы – Кононов?

– Нет, что вы! Наоборот, Аркадий всегда меня предупреждал, если кто-то через его банк начинал проявлять повышенный интерес к моему бизнесу. Это говорили совершенно посторонние люди, никак со мной не связанные. И если сейчас вы начнете их спрашивать, они очень удивятся вашему вниманию. Понимаете, им нельзя предъявить никакого обвинения.

– Понятно... А прямых угроз не было?

– Нет, никаких звонков или писем с угрозами не было.

– Хорошо. Тогда давайте поговорим о вашей обуви.

– Об обуви? – удивился Вдовин. – В каком смысле?

– В том, что это одна из важных улик против вас. На площадке в «зеленом гроте» рядом с телом Кононова были обнаружены отпечатки ваших ботинок. А затем эти ботинки следователи нашли у вас в шкафу, и на них были частички песка. То есть кто-то (следствие считает, что вы) был там в ночь убийства, стоял там в вашей обуви. Поэтому у меня есть ряд вопросов. Какой у вас размер?

– Обувь? У меня, знаете, очень маленькая нога, 39-й размер.

– Вот как? Интересно... Значит, ваша обувь хранится в шкафу у вас в спальне?

– Нет, там только та обувь, которой я пользуюсь часто. Остальная лежит внизу, в подсобке.

– А эти ботинки, о которых идет речь, которые сейчас фигурируют в деле как вещдок, – вы ими часто пользовались?

– Вовсе нет! Я удивился, когда полиция нашла эти ботинки в спальне. Мне кажется, я их уже полгода не надевал.

– То есть они должны были находиться внизу?

– Да, среди хлама, который мы собирались в конце года выбросить. Знаете, у нас с Ириной есть такой обычай – на Новый год выносить к мусорным бакам кучу старой одежды, обуви, посуды, вообще всех вещей, которыми мы перестали пользоваться. Нам не нужно, а кому-то это все пригодится.

– Кто же перенес их в шкаф, как вы думаете?

– Понятия не имею. Возможно, жена. Хотя зачем она это сделала, не знаю.

– А кто еще, кроме жены, имеет доступ в вашу спальню?

– Кто? Ну, горничные, которые производят уборку. Их у нас две, Лена и Марина. Да вы их сами видели, когда у нас гостили.

– Да, Марину я хорошо помню, очень милая девушка, – кивнул Гуров. – Значит, только Ирина Васильевна и две девушки? Больше никто?

Вдовин подумал минуту, наморщив лоб.

– А кто еще мог бы? Охранники к нам не входят, водитель тоже... Нет, больше никто.

– А гости? Тот же Кононов или еще кто-то?

– Нет, в спальню, да и ко мне в кабинет, никто не входит. Это, знаете, территория частной жизни.

– Хорошо, с этим немного разобрались. Теперь поговорим о записке. Той, что нашли у Кононова. Она написана на листке, вырванном из вашего блокнота, и написана вами. Однако следователю вы упорно утверждаете, что таких слов не писали. Как такое может быть?

– Да, я утверждал... я не помнил... – сказал Вдовин и почему-то оглянулся. Гуров понял его без слов.

– То, что не предназначено для посторонних ушей, лучше здесь не говорить. Вы можете сказать это своему адвокату, – предложил он. – Ведь он вас часто навещает?

– Да, сегодня вечером должен прийти.

– Комната для свиданий с адвокатами устроена иначе. Можете ему сказать, а он мне передаст. Но... я правильно понял, что вы кое-что вспомнили?

– Да, я вспомнил... именно кое-что. Хотя и не все.

– Но записка действительно ваша? Это не чья-то умелая подделка?

– Да, видимо, это мои слова.

– Как же эта бумага оказалась в кармане у Кононова?

– Так же как и пистолет из моего сейфа оказался в пруду, – отвечал предприниматель. – Записку в карман к Аркадию, скорее всего, положил убийца. И он же выкрал оружие из моего сейфа, застрелил Кононова, а затем бросил пистолет в пруд.

– И кто же этот убийца?

– Если бы я это знал, я бы здесь не сидел, – усмехнулся Вдовин. – Это ваша задача, Лев Иванович – найти настоящего убийцу Аркадия. Следовательно этого делать не будет – он уверен в моей виновности. Это можете сделать только вы, на вас вся надежда.

– Как-то слишком пафосно это звучит, – сказал Гуров. – А я не люблю пафос. Но, во всяком случае, я постараюсь. Сейчас у меня к вам больше вопросов нет. Теперь я попрошу, чтобы ко мне привели вашего сына. А с вами, я думаю, мы еще не раз увидимся.

Спустя некоторое время по другую сторону стола напротив сыщика сидел уже Андрей Вдовин – все такой же загорелый и улыбчивый, каким Гуров видел его, когда гостил в усадьбе. Казалось, они встретились не в СИЗО, а в гостиной у его отца. И так же, как тогда в усадьбе, между ними с первых слов выросла стена непонимания. В отличие от Игоря Арсеньевича Вдовин-младший не шел на контакт с сыщиком. Ни на один свой вопрос Гуров не получил правдивого ответа и ни на шаг не продвинулся к пониманию того, что произошло в ночь убийства. На все вопросы Андрей отвечал заранее заготовленными выдумками, а когда Гуров указывал ему на несообразности в ответах, собеседник тут же менял показания, стараясь загладить наиболее явные нелепости. При этом он не переставал улыбаться и выглядел вполне беспечным. Промучившись с ним около часа, Гуров встал и заявил:

– Глупо ты себя ведешь, Андрей. Я специально из Москвы приехал, чтобы вам с отцом помочь, а ты мне сказки рассказываешь. Ты уверен, что отцовские деньги тебя защитят, что из СИЗО адвокат тебя вытащит, и вообще это все недоразумение, которое само собой рассосется. Так вот, хочу тебе сказать: не рассосется. Из тюрьмы тебя, может, и удастся освободить – я на этот счет уже говорил с прокурором, – но положение твоего отца гораздо хуже. И может оказаться так, что в итоге и денег не будет.

– Зря вы так о наших деньгах заботитесь, – с наглой усмешкой отвечал Андрей. – Они в вашей заботе не нуждаются.

– Эх ты, порожняк! – в сердцах бросил ему на прощание Гуров.

Глава 5

Из СИЗО он вышел в отвратительном настроении. Дело и так представлялось очень сложным, а тут еще этот молодой хлыщ раздражал его своей наглостью и отбивал всякое желание помогать отцу с сыном. Гурова так и подмывало сесть в машину, выехать на трассу и гнать без остановок до самой Москвы. «Орлову я могу сказать, что дело безнадежное, оба Вдовина виновны, и не моя это задача – убийц из тюрьмы вытаскивать, – размышлял он. – Мне кажется, генерал настаивать не будет. В конце концов, я ведь не адвокат, их защитой заниматься. Адвокаты у них уже есть, а понадобятся – еще наймут. А я своей работой займусь».

Однако, сев в машину и посидев некоторое время, сыщик в итоге направил свой путь вовсе не в Москву, а в сторону усадьбы. Несмотря на отвращение, которое ему внушил Андрей Вдовин, Гуров не мог отказать в помощи его отцу. А он ясно сознавал, что старший Вдовин не совершал убийства, в котором его обвиняли. Не совершал, хотя все улики говорили обратное. Что заставляло его так думать? Знаменитая интуиция, которой так славился Лев Гуров? Или выражение глаз арестованного миллиардера, которое ясно говорило в его пользу? Если бы кто-то сейчас задал Гурову такой вопрос, он бы ответил, что оба предположения неправильные. Как ни странно это звучит, в невиновности Вдовина-старшего его убеждали те самые улики – точнее, их нарочитость, избыточность. «Ну, не бывает так, чтобы буквально все сходилось против одного подозреваемого, – думал он, пока ехал к усадьбе. – И записка, и пистолет в пруду, и отпечатки ботинок... Неужели они в СК и прокуратуре не чувствуют, что тут что-то подстроено? Руку могу дать на отсечение, что улики эти – фальшивые. Вот только как это доказать?»

И, сформулировав ясно эту задачу – доказать фальшивый характер этих улик, – Гуров позабыл про нахального Андрея Вдовина и принялся размышлять над задачей. Он не мог уехать в Москву и бросить это дело, потому что оно при ближайшем рассмотрении оказалось вполне его. Никакой адвокат – если не брать книжного Перри Мэйсона – не мог разобраться с этой головоломкой. Разобраться – и найти составителя головоломки, того искусника, который сплел сеть вокруг владельца металлургического комбината.

Размышляя таким образом, он и не заметил, как доехал до усадьбы, и очнулся только тогда, когда перед капотом его «десятки» вдруг очутились ворота усадьбы. Тут сыщик сообразил, что у него нет ни сигнала для охраны, ни телефона Ирины Вдовиной, чтобы сообщить о своем прибытии. Он уже собрался нажать на гудок, как вдруг ворота дрогнули и начали расходиться. Гуров въехал во двор и остановился там же, где и неделю назад остановил машину водитель, который его привез, – возле гаража. Он заглянул в гараж, думая найти там водителя, но там никого не было. Зато из дома вышел высокий черноволосый парень, которого Гуров раньше в усадьбе не видел.

– Вы ведь Лев Иванович Гуров? – спросил парень.

– Да, это я, – ответил сыщик. – А ты откуда меня знаешь?

– Так вы же здесь гостили, я вас видел. А сейчас Ирина Васильевна предупредила, что вы приедете, вот я и открыл ворота.

– А, так это, значит, ты меня впустил. А почему ты меня знаешь, а я тебя не знаю?

– Я же охранник, мне на виду торчать ни к чему, – усмехнулся парень. Улыбка у него была хорошая, незлая. Вообще охранники редко бывают улыбчивыми, это Гуров знал по работе – ему часто приходилось сталкиваться с людьми этой профессии.

– Это верно, твоя работа требует скрытности, – согласился он. – Но раз уж ты показался на свет, давай знакомиться. Как зовут?

– Егор Кошкин, – представился парень, снова став серьезным.

– Зачем я вернулся, знаешь?

– Знаю, конечно. Убийство расследовать будете.

– Верно. Мне надо будет побеседовать со всеми, кто живет в усадьбе. И начну я с тебя, раз уж ты мне открыл. Кроме тебя, еще охранники есть?

– Один, Павлом его зовут. Павел Ступин.

– Дежурите по очереди?

– Ночью по очереди, а днем оба.

– Как это – по очереди?

– Ну, одну ночь, до шести утра, один дежурит. Потом он отправляется спать до полудня.

А следующую ночь дежурит другой.

– То есть ночью один из вас всегда настороже?

– Ну да.

– А где проходит дежурство?

– Обычно в дежурке. Это такая комнатка за холлом, там мониторы стоят. Видно площадку перед воротами и вот это место перед домом, где мы с вами сейчас стоим. И вокруг дома кое-что видно.

– Все или кое-что?

– Все места, где деревья не загораживают. Мы уже с Павлом Игорю Арсеньевичу говорили, что надо бы три-четыре дерева спилить, в интересах безопасности. И Михаил Степанович нас поддержал. Но хозяин ни в какую.

– А кто это – Михаил Степанович?

– А вы разве не знаете? Это управляющий усадьбой.

– Скажи, а по мониторам только видно, не слышно? Микрофоны тут не установлены?

– Нет, микрофонов нет.

– А это место, «зеленый грот», где произошло убийство, на мониторах видно?

– Что вы! Нет, конечно. Это же далеко от дома, метров двести, наверно.

– Ты сказал «обычно». Значит, дежурный не всегда в комнате сидит?

– Ну да. Иногда покурить выйдет, на улицу, или там в туалет. Но это ненадолго.

– Позавчера, в ночь убийства, кто дежурил – ты или Павел?

– Я.

– Выстрел слышал?

Егор Кошкин, до того отвечавший быстро и четко, на секунду замялся. Потом все так же четко ответил:

– Нет, не слышал. Я в дежурке был, а там не слышно.

Задержка в ответе была очень короткой, но она была, и Гуров ее отметил. Однако он решил сейчас не упирать на этот пункт, пытаясь «расколоть» охранника. Он чувствовал, что Егор Кошкин – не из тех, кого легко расколоть. И сыщик решил вернуться к этому вопросу позже. Вместо этого он заинтересовался другим вопросом.

– А твой напарник, Павел, что за человек? – спросил он.

– Как «что за человек»? – пожал плечами парень. – Обыкновенный. Я его не слишком хорошо знаю. Пока сюда на работу не устроился, мы не встречались.

– Он старше тебя, моложе?

– Старше на четыре года.

– Тоже единоборствами занимается? Ты-то, я вижу, тренируешься.

– Да, я в секцию хожу. Он, кажется, тоже. Работа требует.

– А в свободное время вы с ним о чем разговариваете?

– В свободное время? Ни о чем.

– Странно как-то, ты не находишь? Два молодых парня, делаете одну работу, оба занимаетесь спортом... То есть вы не слишком сдружились?

– Не слишком. Но для работы этого и не требуется.

– Да, это ты верно сказал – для работы дружить необязательно, – согласился Гуров. – Что ж, Егор, покажи ты мне, где находится этот «зеленый грот», и можешь дежурить дальше.

– А с Павлом знакомиться не будете? – спросил охранник. – Для полноты представления об охране? Он сейчас на кухне.

– Нет, в другой раз. Так ты меня проводишь?

Вслед за Егором Гуров обогнул дом, прошел по дорожке, выходящей среди зеленых лужаек и могучих дубов, и вышел к очень своеобразному месту. С одной стороны площадки росли плетистые розы. Опираясь на спрятанные среди зелени столбики, они свисали вниз, образуя шатер метра в три высотой. Гуров вошел под зеленый навес и осмотрелся. По сторонам стояли две изогнутые скамьи, под ногами краснел декоративный песок. На песке, прямо посреди площадки, виднелся нанесенный краской из баллончика контур лежащего тела.

– Значит, здесь его нашли? – то ли спросил, то ли констатировал сыщик.

– Да, здесь.

Гуров огляделся. «Зеленый грот» был идеальным местом для свиданий. Снаружи никто бы не мог увидеть людей, сидящих внутри. В то же время отсюда, из грота, сквозь щели в листьях можно было увидеть человека, приближающегося к убежищу.

– Ночи сейчас стоят лунные, как я помню... – заметил Гуров.

– Да, луна только начала убывать, – кивнул охранник.

– И вчера, и позавчера туч не было. Значит, видно было хорошо. Скажи, а где та площадка за кустами, где полиция нашла следы Андрея Вдовина? Это не тот вон пятачок?

– Нет, что вы. Это вон там, за кустами.

И Егор, выйдя из грота, указал в сторону. Там уступами поднимались аккуратно подстриженные кусты туи.

– А ведь это недалеко... – задумчиво произнес Гуров. – Совсем недалеко... И там, значит, нашли отпечатки следов Андрея?

– Я так слышал, – объяснил охранник. – Сам я этих следов не видел. А теперь и никто не увидит – затоптали там все.

– Понятно, понятно... – пробормотал Гуров.

Он вышел из грота и медленно двинулся по направлению к зарослям туи. Дошел до площадки, обошел ее кругом, потом снова вернулся к гроту.

– А ты убитого когда видел – как только его нашли? – спросил он Егора.

– Нет, позже, уже когда полиция приехала.

– Значит, до приезда полиции труп видели только садовник и Ирина Вдовина?

– Вроде бы так. Скажите, я вам больше не нужен? А то бы я пошел, поел.

– Да, иди, конечно, – кивнул Гуров. – Я еще здесь... поброжу.

Однако, когда охранник ушел, Гуров ходить никуда не стал, а опустился на одну из скамей. Посидел, поглядывая сквозь листву, потом пересел на другую скамью. Затем встал, обошел грот кругом; снова направился к площадке, скрытой стеной туи... При этом он иногда произносил: «Ну да, конечно, он должен был видеть...», или «Да, но зачем он подошел?» Затем громко, словно обращаясь к невидимому собеседнику, произнес: «Все это хорошо, но не пора ли и мне подкрепиться?» – и отправился на кухню.

Охранника Егора Кошкина здесь уже не было – как видно, он уже утолил голод и вернулся на свой пост. Вначале Гурову показалось, что на кухне вообще никого нет. Но затем он услышал чей-то шепот и смех. Заглянув в тесный коридорчик, который вел к холодильным шкафам и подсобке, он увидел там двоих. Чудо-повар Никита держал в объятиях горничную Марину. Разгоряченное лицо девушки и следы помады на щеках повара не оставляли сомнений в характере их занятий. Однако Гуров с удивлением отметил, что парочка при его появлении ничуть не смутилась; и повар, и горничная смотрели на него спокойно и весело улыбались. Объятия они, правда, разжали.

– Вас покормить? – спросил Никита. – Сейчас вмиг соорудим. Что-нибудь простое, да? Я помню, вам всякие деликатесы не слишком нравятся.

– Да, мне что-нибудь попроще и поосновательней, – согласился Гуров. – Щи да каша – пища наша... Но я вам, кажется, помешал?

– Ничего страшного, мы наверстаем, – беззаботно отозвался на подначку Никита. – Теперь нам помешать трудно.

Гуров отметил это «теперь» и решил этот вопрос уточнить.

– А раньше, значит, вам мешали в любви объясняться? – спросил он.

– Да, были такие... – не очень охотно признался Никита.

А Марина уточнила:

– Павел, охранник, за мной пытался ухаживать. Очень злился, что я его отшила. А Никите даже грозил...

– Ну да, обещал мне нос на затылок свернуть, – усмехнулся повар, ставя перед Гуровым закуску и основное блюдо – дымящийся бифштекс с горой жареной картошки.

– Он бы и свернул, ему это недолго, – добавила Марина. – Он же боец, Никите с ним тягаться трудно. Да только хозяина побоялся. Игорь Арсеньевич – человек наблюдательный, все замечает, что в его усадьбе происходит. И наглецов не любит. Он бы Павла вмиг вышвырнул, да еще бы и неприятности ему устроил. Так что он погрозил-погрозил, да и отвял.

– А другой охранник, Егор, за тобой не пытался ухаживать? – спросил Гуров.

– Смотреть смотрел, а ухаживать – нет, – отвечала девушка. – Егор – человек правильный. К тому же у него в Москве девушка есть, он по выходным к ней ездит. А разок она сюда приезжала.

– А что за девушка, как зовут?

– Девушка как девушка. Высокая такая, приятная. Наташей зовут.

– А здесь, в усадьбе, больше никто за тобой не пытался ухаживать? – настаивал Гуров. – Ты девушка видная, привлекаешь внимание...

– Ну... – протянула Марина. – Это вы ведь не просто так спрашиваете? Это вам для расследования нужно?

– Верно, для расследования, – кивнул сыщик. – Мне нужно уяснить все отношения между людьми в усадьбе. Так кто к тебе еще приставал? Андрей?

– Нет, Андрей себе сразу объект выбрал, – усмехнулась Марина. – Я не скажу, какой, вы сами легко догадаетесь. А ко мне этот финансист клеился, друг Игоря Арсеньевича.

– Сургучев?

– Ну да. Противный он человек, приставучий такой. Я даже удивляюсь, как это Игорь Арсеньевич с ним дружит. Это совсем другого круга человек.

– Хорошо. Теперь ответьте оба на такой личный вопрос: что вы оба делали в ночь убийства? Точнее, между двенадцатью и двумя часами ночи?

Повар и горничная переглянулись, потом Марина пожала плечами и ответила:

– Ладно, чего скрывать. Я у Никиты была, в его комнате.

– А окно в комнате куда выходит?

– Туда, – показал Никита на западную сторону дома.

– То есть не на грот. Выстрел слышали?

Влюбленные переглянулись, и Никита неуверенно сказал:

– Вроде что-то такое хлопнуло... Но я был так увлечен, что не придал значения. Может, ты слышала?

– Нет, я вообще ничего не слышала, – уверенно ответила Марина.

– Прямо совсем ничего?

– Нет, я, например, кое-что слышал, – отвечал Никита. – Как раз перед тем, как хлопнуло, я слышал музыку.

– Музыку? Какую? Откуда?

– Это была какая-то классика, – отвечал повар. – Я не настолько разбираюсь, но... Может быть, Бетховен... А доносилось это откуда-то со второго этажа. Видимо, там у кого-то окно было открыто.

– А Кононова не видели, когда он выходил из дома?

И вновь они переглянулись и дружно покачали головами.

– А скажите вот какую вещь, – не отставал Гуров. – Аркадий Ильич здесь за кем-нибудь ухаживал?

И, по лицу Марины увидев, что ей есть что сказать, но говорить не хочется, добавил:

– Давай-давай, рассказывай. Теперь это уже не сплетня, а важная информация.

– Ну, он за Наташей ходил, – нехотя призналась Марина.

– За какой Наташей?

– Я ее фамилии не знаю... Ну, такая, красавица, подруга этого артиста, Синицына.

– Вот как? И как красавица воспринимала эти ухаживания?

– Мне кажется, ей нравилось. Хотя ничего определенного сказать не могу, это уже будет сплетня.

– Что ж, спасибо за информацию, – сказал Гуров, отодвигая от себя пустую тарелку. – И за картошку тоже спасибо. Пойду еще погуляю.

Однако, выйдя из кухни, он направился не в парк, а свернул в узкий коридор на первом этаже, который вел к комнатам прислуги. Он еще когда гостил в усадьбе, изучил расположение комнат в доме и знал, кто где живет. Сыщик прошел мимо нескольких дверей и остановился перед дверью, которая вела в комнату второй горничной, Елены. Он постучал, услышал за дверью шаги. Дверь открылась. Перед сыщиком стояла высокая девушка с золотистыми волосами, тщательно уложенными. Она с удивлением смотрела на Гурова.

– Может, разрешите мне войти? – спросил сыщик. – Нам надо побеседовать.

– Интересно, о чем? – надменным тоном произнесла Елена.

– Не о чем, а о ком, – ответил Гуров. – Об Андрее. Ему грозит большая беда. И во многом – из-за тебя.

– Из-за меня?! – воскликнула девушка, распахивая дверь. От ее спокойствия не осталось и следа. – Но почему?

– Сейчас объясню, – обещал Гуров, входя в комнату.

Глава 6

Это была самая обычная комната для прислуги: минимум места, минимум мебели. Отличием от других подобных комнат, виденных Гуровым, было большое количество фотографий хозяйки, сделанных в разных ракурсах, позах и нарядах (а иногда и без наряда). Они висели на стенах, стояли на столике и даже на подоконнике. А еще в комнате имелось несколько зеркал. Видно было, что Елене Локшиной нравится видеть свое изображение, живое или застывшее.

– Да, Андрею грозит беда, – повторил Гуров, усаживаясь на единственный стул, имевшийся в комнате. – Он продолжает врать следствию, запутывается в этом вранье. Пока следователь не считает его соучастником преступления, но поскольку Андрей упорно не говорит, что делал в ту ночь, следствие может изменить свою позицию.

– Но мне говорили... Сергей Григорьевич мне говорил, что Андрея скоро отпустят! – воскликнула девушка.

Поскольку сесть было некуда, она осталась стоять. Но стояла она тоже не совсем обычно: одну ногу поставила на скамеечку, руку уперла в бок – получалось, что она словно позировала для очередной фотографии.

– Сергей Григорьевич – это адвокат?

– Ну да! Он вчера видел Андрея, потом позвонил мне по его просьбе и сказал, что его скоро отпустят!

– Да, мне прокурор тоже так говорил, – кивнул Гуров. – Но чтобы отпустить Андрея и переквалифицировать его из обвиняемого в свидетеля, им нужно иметь хоть какую-то картину его поведения в ту ночь. А ее нет. Он все врет. И я знаю почему: тебя выгораживает. Он не хочет признаться, что ты тоже была там, за этими кустами.

– Я?! – драматически воскликнула Лена. – Кто это вам сказал? Бред полный!

– Мне это никто не говорил, – спокойно ответил Гуров.

Вообще, чем драматичней восклицала девушка, чем сильнее она волновалась, тем спокойней становился сыщик. Он твердо знал, что находится на верном пути.

– Мне этого никто не говорил, – повторил он. – Но у меня есть глаза, и я кое-что увидел там, на этой площадке. И рядом с ней.

– Что же вы там увидели, интересно? – издевательски усмехнулась горничная. – Два дня прошло, никаких следов уже нет.

– Ошибаешься. На самой площадке следов и правда нет. Но когда прозвучал выстрел, ты захотела посмотреть, что это такое, и шагнула в сторону, в кусты. А там земля сырая. И твоя шпилька там отлично отпечаталась. Оперативники просто не стали смотреть там, в стороне. А я посмотрел. Есть и еще кое-какие признаки. Вас видел один человек, как вы туда шли. Так что я могу прямо сейчас идти к следователю и рассказать ему, как было дело. Но не хочу. Я хочу, чтобы сначала ты сама мне все рассказала.

Закончив этот монолог, Гуров посмотрел на Лену. Посмотрел с некоторой скукой, как смотрят на давно известный и уже порядком надоевший предмет. На самом деле он блефовал. Никакого свидетеля, который бы видел в ночь убийства Андрея Вдовина в обнимку с Еленой, у него не было. Как не было и отпечатка шпильки в кустах. Но Гуров знал, твердо знал, что все именно так и было – они были там вдвоем, они слышали выстрел, – и потому был так уверен в себе. А еще он был уверен, что самовлюбленная Лена не выдержит давления и все ему расскажет. Он видел много людей такого сорта и знал, что они податливы.

И эта его уверенность принесла плоды. Холеное личико Елены Локшиной вдруг расплылось, на глазах выступили слезы. Еще секунда – и она свалилась на кровать, рыдая и закрывая лицо руками.

– Да, я была! – простонала она. – Мы были! Хотели погулять, подышать, прежде чем к нему идти...

– И что вы там делали? Дышали?

– Ну, целовались, конечно...

– А почему там, а не в гроте? Там же удобнее. И скамья есть...

– Да мы туда и хотели идти. Но услышали, что там уже кто-то есть.

– Там разговаривали?

– Нет, там один человек был. Ну, не знаю, может, и не один – мы ведь близко не подходили. Просто мы услышали, как там кто-то ходит. Не говорит, только напевает что-то под нос. Мы поняли, что один.

– А вы поняли, кто именно там был?

– Нет. Но напевал что-то древнее, нудятину какую-то. Типа «звездочка моя ясная», что-то вроде. Короче, Андрей сразу определил, что это кто-то из стариков. Сургучев, или Кононов, или вы...

– О, и меня подозревали! Значит, вы поняли, что место занято, и остановились за кустами. А потом?

– Что потом?

– Долго так стояли, по соседству?

– Ну, я не знаю, я на часы не смотрела. Вообще, наверно, недолго. Потом Андрей вдруг говорит: «Ага, вот и звездочка притопала».

– В смысле?

– Ну, он же все про звездочку пел. Что он к ней на небо прилететь не может. Фуфло всякое. Вот, а тут она и прилетела.

– То есть к человеку в гроте пришла девушка?

– Ну да.

– А ты видела эту девушку?

– Ну да.

– И кто это был?

– Откуда я знаю?

– Ты же говоришь, что видела.

– Так я ее со спины только видела. Луна, правда, светила, но все равно – ночь же. И потом, она в толстовке была, с капюшоном. Лица совсем не видно было.

– Почему же вы оба решили, что это девушка, а не парень?

– Ну, фигуру же видно. Фигура женская была, это точно.

– С какой стороны она шла?

– От дома, ясное дело.

– Так, с этим, кажется, разобрались. Она вошла в грот... И что потом?

– А потом все и случилось! Только она вошла – и сразу бабах! Выстрел!

– То есть они там не разговаривали?

– Нет! Мы оба стояли, слушали, думали, что услышим. Интересно ведь, кто да что. И вдруг – бабах! Я чуть не завизжала, мне Андрей вовремя рот закрыл. Потом еще секунды две-три прошло, видим – она выходит. И пистолет у нее в руке.

– Она держала в руке пистолет?

– Ну да. Тут я чуть не обоссалась – ой, извините, чуть не описалась со страху. Все, думаю, она нас слышала, сейчас кончат будет. Но она свернула и ушла.

– Домой?

– Нет, я же говорю – свернула. Она в другую сторону ушла, от дома.

– К пруду?

– Ну, наверно. Я не следила. Мы подождали, пока она уйдет, и скорее домой побежали. Пошли к Андрею, он сразу виски налил. Я стакан, наверно, выпила, только тогда успокоилась.

– А потом?

– Ну, потом... Потом разное было...

– То есть вы занялись любовью. И что, разве из комнаты больше не выходили?

Елена замялась. Гуров сразу оценил это и резко потребовал:

– Давай-давай, рассказывай! Начала, так уже все рассказывай! Что, решили сходить, на труп посмотреть?

– Нет, что вы! Просто Андрей... Он когда виски допил, сказал: «Надо пойти проверить». Я тогда тоже подумала, что он в грот хочет идти, стала отговаривать. А он говорит: «Чё я, совсем дурной? Я к предкам схожу, проверю, дверь в спальню закрыта или нет». Вот он сходил, проверил, сказал, что все на месте. И потом мы уже до утра не выходили. Ну, часов до шести. Потом мне надо было к себе вернуться. А то утром увидят, как я от него выхожу, возникать начнут...

– А кто мог увидеть?

– Мало ли кто? Родители его, или Маринка, или охранник этот долбанутый...

– Павел?

– Нет, Павел нормальный. Нет, другой, Егор. Смотрит всегда так...

Лена скорчила мрачную гримасу, что у нее неожиданно легко получилось.

– Не улыбнется никогда... Дурак дураком. В общем, под утро я ушла.

– Что Андрей тебе велел говорить? Как себя держать?

– Да ничего он мне не велел... – попробовала отговориться горничная. Однако Гуров точно знал, что разговор о преступлении у любовников был и что младший Вдовин давал горничной инструкции.

– Не надо мне заливать, – сказал он. – Что Андрей велел говорить?

– Что? Ничего не говорить. Рот на замке держать велел. «Ты, – сказал, – ничего не видела, ничего не слышала. Так лучше будет». Вот я и молчала...

– Теперь давай еще расскажи про эту женщину с пистолетом. Все-таки кто это был?

– Да не знаю я! Ночь была все-таки! И потом, я же говорила – она в капюшоне была!

– Хорошо, а по росту, по фигуре – кто это мог быть из живущих в усадьбе? Ирина Васильевна могла?

Лена задумалась.

– По фигуре да... – произнесла она. – А по росту... по росту та вроде выше была...

– А Наташа, девушка певца Синицына?

– Да, вот эта точно подходит! И по фигуре, и по росту. А еще Маринка, вторая горничная. Она тоже годится.

– Значит, женщина с пистолетом ушла к пруду, и больше вы ее не видели. Так?

– Да, больше не видели.

– Ладно, можешь отдыхать, – великодушно разрешил Гуров. – А мне еще кое с кем поговорить надо.

Покинув горничную, он вышел из дома и прислушался. Где-то в стороне он различил жужжание косилки и решительно свернул в ту сторону. Пройдя большую часть парка, он обогнул горку, всю усыпанную цветами, и оказался на тенистой лужайке. По ней брел человек лет пятидесяти, толкая перед собой косилку. В воздухе стоял запах скошенной травы.

– Прошу прощения, Петр Леонидович, что отрываю от работы, – сказал Гуров, подходя к человеку, – но дело того требует. Вы ведь здешний садовник?

– Да, – ответил тот и выключил агрегат; сразу стало тихо.

– Вчера вы первый нашли тело Кононова?

– Да, я.

– Расскажите, как дело было.

– Я встал в шесть утра, – начал свой рассказ садовник. – Я всегда так встаю, иногда еще раньше. Взял секатор и пошел в грот. Там розы уж очень разрослись, я давно их не обрезал. А если не обрезать, они начнут расти вкривь и вкось, никакого вида не будет. Впрочем, это к делу не относится. Значит, захожу я в грот – и вижу: человек лежит...

– Вы никаких следов у входа в грот не заметили?

– Да я не следил, что я – следопыт?

– Так, вы увидели, что человек лежит. Вы его узнали?

– Лицо у него в сторону повернуто было, – садовник показал, как было повернуто лицо убитого. – Но я как-то сразу понял, что это Аркадий Ильич. На нем рубашка такая была, приметная, в полоску. И вообще... В общем, я его узнал.

– И как вы поступили?

– Ну, как... Я один шажочек только шагнул еще – и гляжу: под ним кровь. Тут уж я понял, что дело плохо. И сразу побежал докладывать.

– А то, что лежало рядом с телом, вы подобрали? Или это потом Ирина Васильевна взяла?

Лицо пожилого садовника, до этого остававшееся почти спокойным, внезапно преобразилось: глаза с испугом уставились на сыщика, челюсти судорожно сжались, словно свидетель боялся проговориться.

Он не сразу нашелся что ответить – несколько раз открывал рот, собираясь что-то сказать, и снова закрывал. Наконец садовник с трудом выговорил:

– А с чего вы взяли, что там что-то лежало? Это кто сказал? Ничего там не лежало!

– Нет, Петр Леонидович, лежало, – мягко и даже с сочувствием к пожилому человеку произнес Гуров. – Это вы с Ириной Васильевной почему-то решили этот факт скрыть. Однако мне необходимо знать все до мельчайших деталей. Поэтому я попрошу вас вспомнить, что же все-таки там было. И куда это потом делось. И почему Ирина Васильевна попросила вас об этом не говорить. Ну как, сами расскажете или мне придется вас в город везти? А потом еще и Ирину Васильевну допрашивать?

Лицо садовника пошло пятнами. Гуров даже испугался, не станет ли ему плохо. Но затем Петр Леонидович справился с волнением и произнес:

– Не надо... не надо никуда везти. И Ирину Васильевну не надо беспокоить. Да, ваша правда. Там цветы лежали.

– Какие цветы?

– Розы. Он их с клумбы сорвал, что возле первой горки. Нехорошо о покойнике так говорить, но это прямо вандализм какой-то. Там у меня розы редких сортов, специально по цветам подобраны, а он...

– И большой ущерб вам нанес покойник? Сколько роз было – пятнадцать, двадцать?

– Нет, только три, а все равно обидно.

– А как вы определили, что он их только что сорвал?

– Так я сразу вижу, срезаны цветы или сорваны. И как давно, тоже могу узнать.

– Значит, Аркадий здесь стоял с цветами в руках... – задумчиво произнес Гуров. – Интересно... И почему вы решили эти розы оттуда убрать? Скрыть такую важную улику?

Лицо садовника покрылось пятнами еще сильнее, и он заговорил быстро, зачастил:

– Какая же тут улика? Против кого? Против покойного разве что... Непорядок, цветы валяются... Вот я и убрал...

– Нет, Петр Леонидович, врать вам не стоит, – сказал Гуров, покачав головой. – Вы этого совсем не умеете. Все сразу видно. Нет, это не вы решили цветочки оттуда убрать. Это вам кто-то подсказал. И я даже знаю кто. Ирина Васильевна, верно?

Садовник с перекошенным лицом смотрел на сыщика и молчал. Но Гурову и не требовалось его признание.

– Значит, она, – заключил сыщик. – Вопрос: почему? Наверное, все-таки придется мне этот вопрос самой хозяйке задать...

Петр Леонидович сглотнул ком, стоявший у него в горле, и хриплым голосом произнес:

– Не надо... не надо ей задавать. Я вам могу рассказать. Ирина Васильевна попросила меня розы убрать, чтобы... Понимаете, если мужчина ночью стоит с цветами в руках, значит, кого-то ждет.

– Да уж не движение созвездий изучает, это точно. И что дальше?

– Ну... не знаю даже, как вам сказать... В общем, Ирина Васильевна мне сказала, что Аркадий Ильич... Что он ей всякие намеки делал... И свидания назначал. Несколько раз назначал. Но она ни разу не приходила... Вот.

И Петр Леонидович, высказав главное, замолчал, предоставив сыщику самому домыслить остальное. И Гуров это успешно сделал.

– Значит, Кононов ухаживал за Вдовиной, – размышлял он вслух. – Но делал это достаточно осторожно – никто этого не замечал. И вот он назначил ей очередное свидание, и когда он ее ждал, его убили. Убили с цветами в руках. Ирина Васильевна испугалась, что полиция узнает о домогательствах Аркадия и ее заподозрят в убийстве. А Игорь Арсеньевич – в том, что она не всегда говорила ухажеру «нет». И попросила вас цветочки прибрать. Что вы и сделали. А куда, кстати, вы их дели? В вазу ей на буфет поставили?

– Как можно?! – возмутился садовник. – Это ведь все равно что с могилы. Выбросить пришлось, в мусор. Но скажите... Как вы узнали, что цветы там были? Сказать вам об этом никто не мог! Никто этого не видел! Ни одна душа!

– Ну, одна душа, не считая вас, точно видела. Сама Ирина Васильевна. Она мне все и рассказала.

– Она?! Вам?!

– Нет, конечно, она мне признаний не делала, – объяснил Гуров. – Просто, рассказывая, как нашли тело Аркадия, она несколько раз повторила, что ни на песке рядом с ним, ни у него в руках ничего не было. Хотя я об этом не спрашивал. Поневоле у меня закралось подозрение, что дело обстояло ровно наоборот – что что-то такое было рядом с телом. Что-то, что хозяйка захотела скрыть. И вот, после беседы с вами, я узнал, что же такое там лежало. Три розы, значит. Очень-очень интересно...

Глава 7

Гуров думал найти Ирину Вдовину в гостиной, но там ее не оказалось. Тогда он поднялся на второй этаж и постучал в спальню супругов, но ему никто не откликнулся – очевидно, хозяйки там не было. Сыщик пожал плечами, подумал и направился в кабинет Вдовина. Тут ему сопутствовала удача – войдя в кабинет, он увидел Ирину Вдовину, сидевшую за столом мужа и изучавшую какие-то документы.

– Извините, что я так вторгаюсь, – сказал сыщик, входя. – Но мне необходимо с вами побеседовать, а найти вас я нигде не мог.

– Ничего, входите, – отвечала хозяйка. – Я тут изучаю... знакомлюсь...

Она так и не сказала, с чем именно она знакомится. Вместо этого убрала все документы в стол, заперла его на ключ и встала.

– Давайте пойдем побеседуем в парк, – предложила она. – Погода такая замечательная, что без крайней необходимости в доме находиться не хочется.

Они вышли из дома, миновали главную аллею, поднялись на каменистый холм, явно искусственного происхождения, и сели на скамью возле небольшого пруда, в тени густых ив, клонивших свои ветви до самой воды.

– Ну, вы видели Игоря? – спросила Ирина. – И Андрея?

– Видел и того и другого, – отвечал сыщик. – Беседа с Игорем Арсеньевичем была довольно полезной, а вот с Андреем – нет. К сожалению, ваш сын продолжает громоздить горы лжи и тем усугубляет свое положение. Тем не менее, думаю, адвокату удастся не сегодня, так завтра добиться его освобождения под залог. Улики против него очень шаткие; по сути, никаких улик. Так что его показания уже неважны. По сути, самое главное я уже знаю.

– Да? – вскинулась Вдовина. – Вы знаете, кто убил Аркадия?

– Нет, имени убийцы я пока не знаю. Но я твердо знаю другое – что ни ваш муж, ни сын к убийству не имеют никакого отношения. Вернее, имеют одно – кто-то очень хочет впутать их в эту историю и предъявить Игорю Арсеньевичу обвинение в убийстве.

– Что вы узнали, умоляю, расскажите! – воскликнула хозяйка.

– Как-нибудь обязательно расскажу, – пообещал Гуров. – А пока, дорогая Ирина Васильевна, ответьте мне на один вопрос. Почему вы утром, во время нашей первой беседы, так упорно меня обманывали?

– Я вас обманывала?! – Глаза Вдовиной широко раскрылись; ее удивлению не было предела. – Когда, в чем?

– Была в вашем рассказе одна небольшая деталь, в которой вы погрелись против истины. Я это еще тогда, утром, заметил. А теперь я точно знаю, в чем состоял обман. Не знаю только одного: зачем именно вам понадобилось скрывать от меня эту подробность.

– Я ничего не понимаю... – растерянно произнесла Ирина Васильевна. Казалось, она сейчас заплачет от несправедливой обиды. – О чем вы говорите? Какая подробность?

– Все-таки не хотите сами все объяснить, – констатировал сыщик. – А ведь умная женщина... Хорошо, я вам скажу, что это за подробность. Рассказывая о том, как садовник обнаружил тело Аркадия и как вы подошли к гроту и сами увидели убитого, вы дважды сказали, что на песке рядом с телом ничего не было. Однако это не так. Там кое-что лежало. Лежало – а потом исчезло. Ну, что, может, теперь скажете?

Лицо у прекрасной хозяйки усадьбы пошло пятнами – в точности, как давеча у садовника Петра Леонидовича. Она немного помолчала, потом искоса взглянула на Гурова и наконец произнесла:

– Я вижу, вы все уже знаете. Ну да, там лежали розы. Три розы с нашей клумбы. И дело не в том, что с клумбы, хотя Петра Леонидовича это поразило в самое сердце... Дело в том... Я решила скрыть этот факт, потому что эти цветы предназначались...

– Для вас? – подсказал Гуров.

– Да, я решила, что для меня, – со вздохом призналась женщина. – Видите ли, Аркадий Ильич последние две недели усиленно за мной ухаживал. То и дело отпускал комплименты... Как я пою, как я тонко чувствую искусство, какая я хозяйка... Руки жал, шуточки всякие произносил... В общем, женщина чувствует, когда она становится объектом мужского интереса. И я думала лишь об одном: чтобы всех этих знаков внимания не заметил муж. Они с Аркадием давние друзья и деловые партнеры. Я в дела мужа не вникаю, но по обрывкам разговоров, которые слышала, я поняла, что наша фирма и банк Аркадия крепко переплетены и что Аркадий знает многое, чего не знает никто.

– А что, Игорь Арсеньевич ревнив? Если бы он узнал о таком ухаживании, то немедленно разорвал бы отношения с Кононовым?

– Нет, Игорь совсем не ревнив. Но он человек с чувством достоинства, и он знает себе цену. И он, безусловно, не потерпел бы измены – ни с моей стороны, ни со стороны друга. Вопросы чести для него выше деловых интересов.

– А почему вы решили, что цветы предназначались именно для вас? Разве Аркадий в ту ночь назначил вам свидание?

– В том-то и дело! – воскликнула Ирина Васильевна, сжимая руки. – То есть он не то что назначил... Но после ужина, когда мы все гуляли, он улучил момент, когда мы с ним оторвались от остальных, и шепнул мне на ухо: «Я должен вас видеть сегодня ночью! Я буду ждать вас ровно в полночь, возле горки».

– Возле горки? А где это?

– Где? Да вот здесь, где мы с вами сейчас сидим. Это место у нас в парке называют горкой.

– Понятно. И что вы ему ответили?

– Ничего не ответила. Я собиралась сказать, что пора ему прекратить эти приставания, что он переходит пределы, где игра превращается в интрижку, и я этого не потерплю. Я многое хотела ему сказать, но тут как раз подошел Андрей... Мне показалось даже, что он мог слышать последние слова, сказанные Аркадием... В общем, нас нагнали, и ответить я не успела.

– А на свидание в полночь ходили?

– Как вы могли такое подумать? Разумеется, нет.

– И что же, вы просто легли спать?

– Нет, я не легла. Вся эта история так меня возмутила, я была расстроена... Я поняла, что не смогу заснуть. Я поступила так, как поступаю обычно: села в кресло, включила музыку и сидела, слушала.

– Через наушники?

– Вначале я так слушала, потом Игорь сделал мне замечание, что громко, и я надела наушники.

– А что слушали – Бетховена?

– Да, его сонаты. А как вы догадались?

– Милицейская интуиция. Значит, в это время ничто из окружающего мира до вас не доносилось?

– Нет, я ничего не слышала и не могла слышать.

– И как долго вы сидели?

– Где-то в начале второго я поняла, что успокоилась и смогу заснуть, и пошла в спальню.

– А где вы находились – в гостиной?

– Нет, у нас есть комната, примыкающая к спальне. Это как бы мой кабинет. У меня там стоят два проигрывателя – один CD и другой для винила – есть книги, вязанье...

– Значит, Кононов назначил вам свидание здесь, на горке. А сам пошел в другое место – в «зеленый грот». Как вы думаете, почему?

– Откуда мне знать?

– Действительно, откуда? Скажите, когда он делал вам предложение насчет свидания, а вы ничего не успели ответить, он мог догадаться, что ответ будет звучать как «нет»? Скажем, по выражению вашего лица...

– Да, он мог догадаться. Выражение у меня, думаю, было совершенно недвусмысленное.

– Таким образом, мы можем предположить, что Аркадий, явившись в грот, ничего не напугал, что он ждал там вовсе не вас, а другую женщину?

– Да... да, мы можем так предположить, – согласилась Вдовина. – Но какое все это имеет значение?

– Ирина Васильевна, вы умная женщина и, несомненно, понимаете, что вопрос о месте и времени свидания имеет самое большое значение. Он самым прямым образом связан с вопросом о том, кто убил Аркадия. А еще он связан с вопросом о цветах, убранных по вашей просьбе с места преступления. Вы думаете, я о них забыл? Вовсе нет. Но сначала нам нужно решить главный сейчас вопрос: кого именно ждал Аркадий Кононов в час ночи в «зеленом гроте»? Кому он назначил свидание в этом месте?

– Вы меня спрашиваете? Откуда же я знаю?

– А вы подумайте. Вы женщина не только умная, но и наблюдательная. Такой вещи, как ухаживание, нельзя не заметить. И я уверен, что вы знаете, за кем еще, кроме вас, приударял Аркадий. И, возможно, вас возмутил не столько сам факт его ухаживания за вами, сколько его всеядность...

– Да, возмутил! – воскликнула Вдовина.

Как видно, сыщик коснулся болезненного места; хозяйка усадьбы вскочила, ее глаза излучали гнев.

– Нехорошо, конечно, так говорить о покойном, но Аркадий Ильич был самый настоящий бабник! – горячо произнесла она. – Не было такой юбки, за которой он бы не приволочился. Конечно, он был мужчина видный, даже обворожительный, но какая неразборчивость! Какой цинизм! Я искренне сочувствовала Татьяне, его жене. Она, конечно, особа не самая привлекательная, но она жена. И так открыто показывать, что ты ее не любишь...

– Понятно. И кто же был у Аркадия Ильича на первом месте? В смысле, здесь, в усадьбе? Как можно догадаться, не вы. Тогда кто? Кто-то из горничных? Нет? В таком случае остается лишь один человек... Давайте, Ирина Васильевна, рассказывайте. Вспомните, что от успеха моего расследования напрямую зависит судьба ваших близких. Итак, за кем в первую очередь ухаживал Кононов?

Ирина Вдовина пожала плечами. Весь гнев с нее сошел, она села. Состроила гримасу, которую можно было понять как выражение «ничего не поделаешь», и произнесла:

– Да, вы правы. На первом месте у него была не я. Это была Наташа, девушка Олега Синицына.

– Так я и думал. Он что, серьезно был ей увлечен?

– Во всяком случае, гораздо сильнее, чем мной. Он ее, можно сказать, преследовал.

– А что сама Наташа? Как она отвечала на ухаживание со стороны Аркадия?

– Она вела себя возмутительно! Просто возмутительно! Как самая настоящая кокетка! Она с ним любезничала, позволяла целовать руки... А может, где-нибудь наедине, и не только руки...

– А что же знаменитый певец? Он, как я понял, человек горячий, он не мог спокойно смотреть на такое поведение любимой девушки...

– Ну, я бы не сказала, что Наташа для Олега такая уж любимая. Как я поняла, это очередная девица из его тусовки. Одна из поклонниц. Такие всегда вьются вокруг знаменитостей,

словно мошки. Но вы правы – Олег не мог стерпеть такое ее поведение. Да и поведение Аркадия тоже. У них была одна сцена... Можно сказать, даже драка...

– Синицын подрался с Кононовым?

– Ну да.

– А когда это было?

– На следующий день после того, как вы уехали.

– Очень интересно... А спустя сутки Кононов был убит...

– Я надеюсь, вы не подумали, что это Олег убил Аркадия? – спросила Ирина, и в ее голосе прозвучала неподдельная тревога. – Это совершенная чушь так думать! Тем более что Олег и так одержал победу...

– Что, в ходе драки он побил своего обидчика?

– Не то чтобы побил... Олег человек физически не слишком сильный, а Аркадий был мужчина крупный. Нет, никаких нокаутов, или как это там называется, не было. Но Олег твердо показал, что он не позволит Аркадию так себя вести. И Аркадий уступил. Обещал оставить Наташу в покое. Так что Олегу не было нужды его убивать!

– Однако мы с вами только что вместе пришли к выводу, что вчера в час ночи Кононов дожидался именно Наташу. Стало быть, он не выполнил своего обещания. И Синицын мог об этом узнать...

– Нет, это неправда! – воскликнула Ирина Васильевна. Она была взволнована не на шутку. – Олег не имеет к этому убийству никакого отношения! Я скорее готова подумать на другого человека...

– Вот как? Интересно, на кого это?

Хозяйка усадьбы в смущении отвернулась. Встала со скамьи, прошлась взад и вперед. Потом остановилась перед Гуровым и решительно произнесла:

– Я скорее готова подумать на еще одного нашего гостя – на Сергея Сургучева. И это не мои домыслы. Просто я случайно узнала... Услышала обрывок разговора моего мужа с Аркадием... В общем, я узнала, что год назад Сургучев взял большой кредит в банке «Сплочение», принадлежащем Кононову. Кредит был краткосрочный, под большой процент. И Сургучев не возвратил ни первую часть платежа, ни проценты. И вообще дела у него идут плохо, он кругом в долгах. Так что можно предположить, что он решил избавиться от проблем самым простым и надежным способом.

– Очень интересно... – задумчиво произнес Гуров. – Черт, я сегодня эту фразу повторяю, наверно, в четвертый или пятый раз. Как у вас тут, однако, все запутано! А когда я здесь отдыхал, все казались такими милыми людьми! Ладно, Ирина Васильевна, спасибо вам за помощь. Вы сообщили следствию весьма ценные сведения. Пойду поговорю еще с кем-нибудь. Может, еще что интересное услышу.

С этими словами сыщик поднялся и направился к дому.

Глава 8

Теперь ему очень хотелось увидеть девушку Олега Синицына, ту самую Наташу, которую Ирина Васильевна только что назвала кокоткой и которой Аркадий Кононов, видимо, назначил свидание в «зеленом гроте». Где находится комната Наташи, он не знал, но полагал, что где-то на втором этаже, там же, где и комнаты остальных гостей. Поэтому он, войдя в дом, направился прямо к лестнице. Но тут из угла гостиной его окликнули:

– Лев Иванович!

Сыщик обернулся. С кресла поднялась женщина, которую только что упоминала в разговоре Ирина Вдовина. Это была Татьяна, жена, а теперь уже вдова Аркадия Коконова.

– Мне нужно с вами поговорить, – сказала она. – Это совсем недолго, я вас не задержу.

– Да, конечно, – поспешно согласился сыщик. – Где вы хотите говорить? Может, пойдем в парк?

– Зачем куда-то ходить? – нервно отвечала вдова. – Уединяться нам не нужно, мне нечего скрывать. Можем сесть прямо здесь, в гостиной.

– Хорошо, – сказал Гуров, садясь. – О чем вы хотели поговорить?

– Я хотела, чтобы вы побеседовали со следователем, который ведет дело. У меня даже его фамилия где-то записана... Да, вот: Ярыгин, Виктор Васильевич.

– Да, я сегодня встречался со следователем, – сказал Гуров. – И собираюсь завтра встретиться еще. О чем вы хотели, чтобы я с ним поговорил?

– Об Аркадии. Точнее, о его теле. Мне не выдают тело для погребения. Говорят, что еще не закончены следственные действия. Хотя какие еще следственные действия нужны, если человека застрелили, я не понимаю. Если нужно извлечь пулю, пусть извлекут. А потом пусть отдадут его мне. Я хочу похоронить мужа.

– Да, конечно! – воскликнул Гуров. – Я обязательно поговорю со следователем. Собственно, можно было бы прямо сейчас позвонить, но такие вопросы лучше решать в личной беседе.

– Ничего, я потерплю до завтра, – заверила Татьяна Коконова. – Два дня терпела и еще потерплю. И вам действительно лучше говорить со следователем лично, потому что есть еще один вопрос.

– Какой же?

– Обо мне. Этот Ярыгин взял с меня подписку о невыезде. Как и со всех остальных. Точнее, не со всех. Для этого певца, для Синицына, сделали исключение. У него, видите ли, концерты, он не может с нами здесь сидеть. А я, значит, могу. Могу жить в одном доме с убийцей, встречаться каждый день...

Лицо женщины исказила гримаса; она закрыла лицо руками и отвернулась. Гуров почувствовал жалость.

– Я вас понимаю, – произнес он, стараясь говорить как можно мягче. – Думаю, этот вопрос также можно решить. Следователь должен сделать для вас исключение. В конце концов, если потребуется получить от вас дополнительные показания, всегда можно съездить к вам, в Москву, верно? Так что этот вопрос мы решим. Хочу только вам заметить, что в убийстве вашего мужа подозревают прежде всего Игоря Вдовина, а он сейчас не живет в одном доме с вами, он в СИЗО сидит.

– Подозревать Игоря – это сушая глупость, – заявила вдова. – Я его достаточно знаю, мы часто встречались. И могу сказать, что из него плохой убийца. В сущности, Игорь – тряпка.

– То есть вы не верите, что вашего мужа убил Вдовин?

– Не очень.

– А как же улики? Против него существует несколько улик, и очень серьезных...

– Ну, если улики... Не знаю...

Женщина пожала плечами.

– Вообще чужая душа, конечно, потемки, – задумчиво сказала она. – Снаружи человек кажется мямлей, а внутри... И потом, тут замешаны большие деньги, а большие деньги сильно меняют людей...

– Вы полагаете, вашего мужа убили из-за денег? А я слышал другую версию. Мне говорили, что тут может быть замешана женщина...

Татьяна усмехнулась:

– Да, бабы у него были слабым местом. За каждой юбкой волочился, везде успевал.

– Как я понимаю, ваш брак был не слишком счастливым?

– Да уж какое тут счастье! Хорошо, хоть сына вырастили, на ноги поставили. Кирилл собственную фирму создал, кухонной мебелью торгует, от отца не зависит. Внучка есть. Вот оно, мое семейное счастье. А Аркадий...

– Вы знали, что он и здесь, в усадьбе, ухаживал за женщинами?

– А то мне не знать! Конечно, знала. Он и Ирине знаки внимания оказывал, и за горничными приударял. Но главным объектом у него была, конечно, эта красотка, Наташа. Ну, которая со знаменитостью приехала.

– Это не мое, конечно, дело, – сказал Гуров, – но все же я не могу понять: если вы знали о постоянных изменах мужа, почему же в таком случае жили с ним? Почему не развелись?

Татьяна Кононова вновь усмехнулась. Усмешка не красила ее лицо; наоборот, оно делалось еще неприятнее.

– Да, меня и подружки об этом спрашивали – чего, мол, ты с ним не разведешься? Это трудно объяснить... Ведь у нас с ним когда-то любовь была, настоящая. И с моей стороны она сохранилась. Ничего не могла с собой поделывать: нравился он мне. Я никак не могла представить, как я без него жить буду. И сейчас представить не могу...

Она вновь закрыла лицо руками и отвернулась. Гурову хотелось как-то утешить ее, оказать ей внимание, но он не знал, как это сделать. Он попробовал заглянуть ей в лицо, но она низко склонилась – видно, не хотела, чтобы он видел ее слезы. Надо было заканчивать этот тягостный разговор. И Гуров, чтобы не оставлять в расследовании белых пятен, сказал:

– Я должен задать вам еще несколько вопросов. Что вы делали в ту ночь, когда был убит Аркадий? И вообще, как он объяснил свое отсутствие в столь поздний час?

– Ну, он же у меня полуночник! – с горечью в голосе произнесла Татьяна. – Раньше двенадцати редко ложится. А я всегда раньше спать иду. Вот и в ту ночь он сказал, что пойдет гулять. А я в половине двенадцатого легла и сразу заснула.

– И спали всю ночь?

– Да, всю ночь.

– Ничего не слышали?

– Нет.

– Как вы думаете, кто мог убить вашего мужа?

Женщина пожала плечами.

– Кто? Скажем, та же красотка могла, за которой он волочился. А еще скорее – этот ее мужик, наша великая знаменитость. Он ведь заметил, как Аркадий за его девкой волочится, у них драка была, вы знаете?

– Да, мне рассказывали.

– Вот, дрались они. Аркадий ему пару фингалов поставил на физию. Не знаю, как он теперь на концертах выступает с такими украшениями. Хотя сейчас макияж умеют делать, все закрасят...

– Значит, или Наташа, или Синицын?

– Нет, не только. Я не случайно о больших деньгах заговорила. Могли его из-за денег убить. И знаете, кто? Биржевик этот, Сургучев. Он очень темная личность, этот Сергей Сергеевич. Мне Аркадий говорил, что Сургучев у него большой кредит взял, а отдавать не спешит. Аркадий уже и здесь с ним разговор имел на эту тему. И Вдовина просил, чтобы тот на Сургучева воздействовал. Но знаете, что я вам еще скажу? Это вам здесь вряд ли кто скажет. Был еще один человек, который брал у Аркадия деньги и не отдавал.

– И кто же?

– Андрей Вдовин.

– Андрей брал деньги у Аркадия? Но зачем?

– Он на валютной бирже играл. За легкими деньгами гнался. Отцовских ему не хватало, хотел свои иметь. Его Сургучев этому научил. Научить научил, а денег не давал – у него у самого их не было. Вот Андрей к Аркадию и пришел. Раз взял, два... А отдать не смог. Кроме того, он не хотел, чтобы отец об этих долгах знал. Все время Аркадия просил, чтобы тот отцу не говорил. Так что вот вам еще один человек, который был заинтересован, чтобы Аркадий замолчал навсегда.

Глава 9

Информация, полученная от вдовы Аркадия Кононова, требовала осмысления, и Гуров не сразу направился на второй этаж, на встречу с Наташей. Он несколько раз обошел вокруг дома, обдумывая услышанное. Версию о том, что убийцей является знаменитый певец Синицын, он отверг сразу. И не потому, что считал известного исполнителя таким уж хорошим человеком, неспособным на преступление. Наоборот – вполне считал. За время пребывания в усадьбе он успел составить себе мнение о певце и считал его человеком горячим и способным на резкие, скандальные поступки, может быть, даже на преступление. «Но ведь тут совсем другая петрушка, – думал Гуров. – Совсем другой стиль! Здесь совершено убийство хладнокровное, хорошо продуманное. Улики подброшены, организованы, на шее Игоря Вдовина затянута хорошая петля. Это тебе не ревнивый певец! К тому же зачем ревнивому певцу мстить хозяйину дома? Так что этот вариант мы отменяем. Но вот история с невозвращенным кредитом Сургучева и с деньгами Андрея... Это бы объяснило вранье Вдовина-младшего. Но... стал бы он топить отца? Пожалуй, нет. Значит, пока что самая вероятная кандидатура на организатора этого убийства – Сургучев. А я с ним толком еще не познакомился. Изменить, что ли, программу, оставить Наташу в стороне и заняться финансистом? Нет, не буду ничего менять. Что-то мне подсказывает, что без Наташи здесь не обошлось».

Придя к такому заключению, сыщик вернулся в дом и решительно поднялся на второй этаж. Комнату Наташи он нашел по приклеенному на дверь скотчем рисунку с розовым котеночком. Постучал и, услышав мелодичное «Войдите!», шагнул в комнату.

Эта комната чем-то походила на жилище горничной Лены – то же обилие зеркал, подушек, такой же аромат духов в воздухе. Да и сами девушки были похожи: Наташа, поднявшаяся навстречу сыщику с диванчика, на котором она лежала, перелистывая глянцевого журнала, тоже как будто сошла с обложки модного журнала. Но были и отличия. Подруга певца Олега Синицына была одета более стильно, и глаза у нее были поживее. В общем, она больше походила на живую девушку, а не на куклу.

– Вы ко мне? – с удивлением произнесло волшебное создание. Голосок у нее был мелодичный, словно колокольчик; Гуров мельком подумал, что, кажется, понимает, чем эта девушка так нравилась знаменитому певцу.

– Представьте себе, к вам, – отвечал он. – Мне нужно задать вам несколько вопросов, касающихся убийства Аркадия Кононова.

– Ах да, это убийство! – вздохнула красавица и отложила журнальчик. – Это ужасно! Так жалко Аркадия! И потом, мне сказали, что почему-то нельзя отсюда уехать. Олегу разрешили, а мне нет. Это несправедливо! Кому я здесь нужна? И зачем? Я ничего об этом не знаю!

– Ну, кое-что вы наверняка знаете, – заметил Гуров, опускаясь в дорогое кожаное кресло; мебель здесь была совсем не такая, как в комнате горничной. – Например, вы – единственный человек в доме, который точно знал, где будет той ночью находиться Кононов.

– С чего вы это взяли? – удивилась Наташа. Она уже при появлении сыщика выглядела удивленной, а теперь дошла до какой-то крайней степени изумления. – Какое отношение я имела к этому человеку?

– Ну, хватит придуливаться! – прикрикнул на нее Гуров. – Несколько человек видели и слышали, как Кононов за вами ухаживал. И есть свидетель, который слышал, как погибший назначал вам свидание в парке.

Тут Гуров блефовал – такого свидетеля у него не было, имелись одни предположения. Но он был убежден в своей правоте. А потому он выбрал наступательную тактику. Тут было главное – подавить собеседника своим напором, не дать ему опомниться.

– Кононов назначил вам свидание в час ночи в «зеленом гроте». Специально для вас сорвал розы с клумбы. А утром его нашли на этом месте мертвым. Таким образом, вы были последним человеком, который видел Аркадия живым. Ведь вы были там той ночью? Вы пришли на свидание?

– Нет, я не пришла! Не было меня там, не было! – вскричала очаровательная Наташа.

– Но согласились прийти, верно? Иначе он бы не стал рвать эти несчастные розы.

– Нет, я не согласилась...

– Вы что, хотите меня уверить, что сказали «нет»?

– Нет, я не говорила «нет». Но и «да» тоже не говорила. Я вообще ничего определенного не сказала.

– Понимаю. Расписку вы не писали, обязательства не давали. В таких делах это и не требуется. Пожали плечиками, поиграли глазками... Да, вот так, как сейчас. И Аркадий остался в уверенности, что девушка придет. А на самом деле вы что, с самого начала знали, что не пойдете? Может, вы знали, что вместо вас там будет кто-то другой? Может, вы были с ним в сговоре?

– Нет, как вы могли подумать?! – воскликнула Наташа. Вот теперь она уже совсем не казалась ожившей куклой, жизнь в ней была через край. – Ни с кем я в сговоре не была! Я хотела пойти, хотела! Но тут произошла такая дикая история...

– Что, знаменитый бард обо всем догадался и устроил вам сцену? Запер в ванной?

– Нет, Олег тут ни при чем. Он уже уснул.

– А вы с ним что, отдельно жили?

– Ну да, мы же официально вроде как посторонние. Поэтому хозяева поселили нас отдельно. Комната Олега там, за стенкой. Так вот, мы с Олегом вечером... ну, в общем, мы были вместе. А потом я ушла к себе, а он лег спать.

– Во сколько это было?

– Я не смотрела на часы... Ах да: когда я вошла к себе в комнату, внизу, в гостиной, большие часы, что стоят на полу, стали бить полночь. Я еще подумала... Ну, я подумала, что я еще успею сходить туда... к Аркадию... Он, конечно, пожилой дядька, но такой забавный и с ним весело. Я решила, что просто приду и строго так ему скажу, чтобы он больше ко мне не приставал. А то Олег беситься начинает.

– Так, значит, вы решили идти. И стали одеваться, краситься...

– Ну да, я приняла душ, потом оделась, сделала легкий макияж... В общем, я совсем собралась. Обулась и уже пошла к двери, как вдруг услышала шаги в коридоре. Кто-то шел к моей двери. Я, конечно, остановилась. Не стала выходить. Мне совсем не нужно было, чтобы меня сейчас видели. Я ждала, что тот человек пройдет. Но он не прошел мимо. Он подошел к моей двери... А потом я услышала, как в замок вставляют ключ – с той стороны, представляете? – и поворачивают. Я шагнула к двери, спросила: «Кто там?»

– И что вам ответили?

– Ничего не ответили. Я снова услышала шаги – человек уходил. И совсем ушел. Я попыталась открыть дверь своим ключом, но у меня ничего не получилось – тот, второй, ключ остался торчать с наружной стороны.

– И что же вы стали делать?

– Я была в растерянности. В полной растерянности. Просто не знала, что делать. Если начать кричать, звать на помощь, первый, конечно, проснулся бы Олег – ведь его комната ближе всего. С другой стороны комнат нет, там стена. Олег бы проснулся, стал бы спрашивать, почему я не сплю, почему нарядилась, оделась... Можно было, конечно, раздеться, а потом звать на помощь. Я так и сделала. Разделась и тут сообразила, что кричать как-то странно. Да и незачем. Ведь даже если Олег меня откроет, я уже все равно никуда не пойду. Только сцена неприятная будет. И я махнула на все рукой и завалилась спать.

– Просто легли спать?

– Да, просто легла.

– И сразу заснули? И ничего не слышали?

Девушка искоса взглянула на сыщика. Видно было, что она колеблется: попробовать соврать или сказать правду. Потом она решила, что врать не стоит, и произнесла:

– Да, я слышала... Уже когда ложилась, я услышала... вроде как хлопок... Не очень громкий. Я тогда не придавала ему значения. А потом, уже утром, когда узнала...

– Кстати, насчет утра. Как вы утром выбрались из своей комнаты? Все же позвали подмогу?

– Нет! Представьте себе: когда я утром встала, я сразу вспомнила, что меня заперли, и пошла к двери. Как же я была удивлена, когда оказалось, что никакого ключа нет! Я просто повернула ручку, и дверь открылась.

– Вы кому-нибудь рассказывали о своем заточении? Жаловались?

– Нет. А кому я могла рассказать? Олегу – ни в коем случае. Ведь тогда бы пришлось объяснить, что я собиралась... вы понимаете? Я думала сказать Ирине Васильевне, хозяйке. Но тут узнала, что Аркадий убит, и прикусила язык. Я поняла, что не должна никому ничего говорить. Я вам первому обо всем этом рассказала.

– А вы не подумали, что это ваш друг Олег вас и запер? Догадался, что вы собираетесь на свидание, и запер?

– Нет, я так не подумала. И знаете, почему? Из-за шагов! Я вам говорила, что слышала шаги в коридоре? Так вот, это были женские шаги.

– Женские?

– Ну да. Шла женщина на каблуках. Тут ошибки быть не могло. Высоту каблука я вам, конечно, не скажу, но что это были женские каблуки – это точно.

– Хорошо. Теперь попробуйте вспомнить, сколько было времени, когда вас заперли. Это было сразу после двенадцати?

– Нет, не сразу. Я приняла душ... Оделась... Потом сидела перед зеркалом... Прошло минут тридцать, наверное, или даже сорок... Да, скорее сорок.

– Значит, ключ в замке повернулся, когда до времени свидания оставалось двадцать минут?

– Да, примерно так.

– А где в это время был ваш ключ? Разве не в замке?

– Нет, я его уже вынула. Ведь я собиралась выходить...

– Теперь скажите мне вот какую вещь. Где состоялся ваш разговор с Аркадием, когда он назначил вам свидание?

– Это тоже в парке было. Там у них такая горка есть. Довольно прикольно. Водопадик, вода плещет. Вот мы там сидели, и он сказал... Но почему вы спрашиваете? Вы же сказали, что у вас свидетель есть; он же знает, где все было!

– Просто вас проверяю. Значит, вы сидели на горке, уже в сумерках... Там вся площадка окружена кустами. И за этими кустами вполне мог кто-то прятаться... А у Аркадия голос довольно громкий...

– Да, он такой громогласный... был...

– А вы не думаете, что это ваш спутник жизни, бард Олег Синицын, расправился с Коновым? Устранил, так сказать, соперника?

– Олег? Нет, что вы! Он совсем не такой! И потом, он же спал! Я видела, как он ложился... И потом, слышала... в общем, он храпит... и я слышала, как он храпит...

Глава 10

Гуров решил на этом закончить разговор с прекрасной девушкой Наташей. Все равно больше ничего толкового она не могла ему сказать. Выйдя на площадку второго этажа, он остановился в раздумье. В усадьбе оставалось еще несколько человек, с которыми надо было побеседовать. Прежде всего это был биржевик Сергей Сургучев, которого упоминали почти все, с кем уже побеседовал сыщик. К биржевику накопилось много вопросов, их надо было задать. Кроме того, в списке неопрошенных оставались второй охранник Павел, водитель Семен Вихляев и кто-то еще – Гуров никак не мог вспомнить кто. С кого же начать?

Пока сыщик размышлял, внизу стукнула дверь и послышались голоса нескольких человек. Перегнувшись через перила, Гуров, к своему удивлению, увидел внизу, в вестибюле, двоих людей, которых уже видел сегодня и не ожидал увидеть еще раз. Это был Андрей Вдовин в сопровождении следователя Виктора Ярыгина. Следователь будто почувствовал взгляд Гурова, поднял голову, их глаза встретились.

– Лев Иванович, рад приветствовать! – бодро воскликнул Ярыгин. – Вот, выполняю ваше пожелание. Вы просили освободить младшего Вдовина – и мы его освободили. Мало того – я сам вам его доставил в целости и сохранности!

– Очень рад, – отвечал Гуров, спускаясь в вестибюль. – Но я подозреваю, что вы приехали все же не затем, чтобы выполнить роль сопровождающего при Андрее. Тем более что мальчик довольно взрослый, в сопровождении не нуждается...

– Да, у меня тут была еще одна цель, – признался следователь. – Надо кое с кем побеседовать...

И он со значительным видом посмотрел на Гурова. Тут младший Вдовин, стоявший до сих пор с безучастным видом, подал голос:

– Я вижу, у вас начались профессиональные секретные разговоры, – сказал он. – А мое присутствие вас стесняет. Так я могу идти?

– Да, конечно! – отвечал Ярыгин. – Иди куда захочешь. Но не выходи за пределы усадьбы – подписка о невыезде на тебе остается.

– Отлично! – заключил Андрей и направился в коридор нижнего этажа, где располагались комнаты прислуги.

– Ну вот, теперь, когда мы остались одни, я могу вам сказать, кто меня так здесь привлек, – сказал Ярыгин, когда младший Вдовин вышел.

– Можете не открывать мне этот большой секрет, – отвечал Гуров. – Я сам могу догадаться, кто это. Хотите, назову?

– Давайте, это интересно.

– Вы приехали, чтобы допросить финансиста и биржевого игрока Сергея Сургучева. Угадал?

– Черт побери! – воскликнул Ярыгин. – Как вы угадали?

– Очень просто. Я успел побеседовать с большинством людей, живущих в усадьбе, и они рассказали мне много любопытного. В частности, кое-что интересное про Сергея Сергеевича Сургучева. Я сам собирался с ним побеседовать, когда услышал, что вы приехали.

– Что ж, в таком случае давайте побеседуем с этим господином вместе, – предложил следователь. – Вы не против?

– Почему я должен быть против? Давайте. Мне кажется, Сургучева надо искать либо в столовой, либо где-нибудь в парке, в районе теннисного корта.

– А он что, такой большой любитель тенниса? Хорошо играет?

– Какое там! Играет он еще хуже меня. Просто я, пока гостил здесь, в усадьбе, заметил, что Сургучев очень заботится о своем здоровье. Теннис для него – способ поддерживать нужную форму.

Сыщики заглянули в столовую; Сургучева там не было. Правда, оказавшись в столовой и вдохнув царивший тут аппетитный запах, Гуров сообразил, что он, увлекшись допросами, совсем забыл о еде и пропустил обед. «Ладно, за ужином наверстаю», – решил он.

Сыщики вышли из дома и направились к теннисному корту.

– А кто вам сообщил интересные сведения о Сургучеве – один из Вдовиных? – спросил Гуров по дороге.

– Угадали. Если точнее – Андрей. Он рассказал, что Сургучев занял у погибшего Кононова большую сумму денег и не хотел отдавать. Это наводит на размышления, правда?

– Наводит, – согласился Гуров.

Подходя к корту, они еще издали услышали глухие удары по мячу. Правда, звучали они как-то странно. Сыщики вышли из-за поворота тропинки, увидели корт, а на нем – того, кого искали. Тут они поняли и причину, почему удары по мячу звучали как-то непривычно: бизнесмен был на корте один, он бил мячами о стену, стараясь добиться точности попадания.

– Ну, и как результаты тренировки? – спросил, подходя, Гуров. – Точность ударов нормальная?

– Какая, к чертям, нормальная? – возразил Сургучев, не отрываясь от своего занятия. – Я в этой усадьбе совсем форму потерял. И играть не с кем...

– Да, сразу двоих партнеров вы потеряли, – сочувственно произнес следователь. – Одного смерть унесла, а другого мы в СИЗО забрали...

Услышав незнакомый голос, финансист резко повернулся. Пущенный им мячик полетел мимо стенки и вообще улетел выше сетки, за пределы корта.

– А вы, простите, кто? – хрипло спросил Сургучев.

– Я следователь Кашинского следственного управления, Ярыгин Виктор Васильевич, – представился следователь. – Мы с полковником Гуровым хотим задать вам несколько вопросов в связи с произошедшим здесь убийством. Вы как – здесь готовы говорить или пройдем в дом?

– Нигде я не готов с вами разговаривать! – окрысился Сургучев. – Если хотите устраивать допрос, тогда я должен пригласить своего адвоката. Разговаривать буду только в присутствии адвоката, иначе никаких бесед! Знаю я эти «просто беседы» без протокола! Сначала «мы побеседуем», а потом и дело готово!

– А у вас, Сургучев, я вижу, уже есть опыт, – заметил Ярыгин. – И это хорошо – приятно беседовать со знающим человеком. Ему не надо разжевывать азбучные вещи. Разве что несколько совсем простых истин. Например, о том, что я могу изменить нашу позицию: не я сюда приеду с вами разговаривать, а вас ко мне доставят в наручниках. И жить вы будете там же, где ваш бывший партнер по теннису, Игорь Вдовин, то есть в СИЗО. Вот там вы сможете сколько угодно встречаться со своим адвокатом. Так что выбирайте.

– А почему вы так уверены, что суд даст санкцию на мой арест? Какие для этого есть основания?

– Основания есть, и очень даже весомые, – заверил Ярыгин. – Вот о них, об этих самых основаниях, я и хотел с вами побеседовать. Ну что, будете говорить?

– Хорошо, давайте поговорим, – нехотя согласился Сургучев. – И лучше здесь. Здесь нас никто не слышит. А в доме слишком много ушей.

– Согласен, уши там у всех имеются. Ладно, поговорим здесь. Вы не возражаете, Лев Иванович?

– Нет, зачем же я буду возражать? – сказал Гуров. – Здесь и воздух свежий...

– Итак, вопрос первый, – начал следователь. – Нам стало известно, что вы год назад взяли в банке, принадлежащем Кононову, кредит на 30 миллионов рублей. А когда подошел срок

уплаты первой части кредита, вы платить не стали. И до сих пор не погасили ни рубля из взятых денег. С учетом пени ваш долг возрос уже до 38 миллионов. Вы подтверждаете этот факт?

– Ну, уж прям ни рубля не заплатил! – возмутился бизнесмен. – Что-то я вроде погашал...

– Не юлите, Сургучев! Да, были два платежа на общую сумму в двести семь тысяч рублей.

Но по сравнению с общей суммой кредита это все семечки. Вы уже десять месяцев ничего не платите. Вдовин мне рассказал, что Кононов уже давно требует с вас деньги. Вы его сперва кормили, что называется, «завтраками», то есть обещали на днях заплатить. А потом вообще заявили, что денег у вас нет, да и имущества формально у вас никакого не числится, так что и через суд взыскать ничего не удастся. Кононов и к Вдовину за помощью обращался, надеялся управу на вас найти. Так что у вас были все основания убить банкира Кононова. Нет банкира – нет и долга. Согласны?

– С чем я должен соглашаться? – возмутился бизнесмен. – Глупость все это! Ситуацию вы правильно описали, спорить не буду. Да, я и правда занял у Аркадия некую сумму – надеялся проверить крупную сделку с импортной мебелью. Но тут грянул кризис, рубль просел, спрос сдулся, и мебель моя застряла на базах, ее даже магазины не брали. Я, что ли, в этом виноват? Впрочем, это к делу не относится, это все так, лирика. А к делу относится вот что. Я действительно заявил Аркадию, что в ближайшей перспективе вернуть деньги не могу. Не могу, хоть режь меня! Этот разговор у нас состоялся месяц назад. На этом ситуация зависла. И с какой стати мне теперь вдруг убивать Аркадия? Разорить он меня не мог – у меня формально и правда собственности нет. Да он и не стал бы, чтобы не портить отношения с Игорем. А у нас с Игорем давняя дружба, он меня ценит... Так что нет, эта версия не срабатывает.

Однако следователь был не из тех людей, которые легко соглашаются с доводами своих оппонентов, даже если доводы эти разумны.

– Это мы еще посмотрим, срабатывает она или не срабатывает, – упрямо заявил он. – Долг почти в сорок миллионов остается долгом, какие бы соображения вокруг этого ни возводили. Просто так никто такие долги не прощает. А значит, у вас был резон от этого долга избавиться. И алиби у вас, скорее всего, нет. Вот скажите, Сургучев: что вы делали в ту ночь, когда был убит Кононов?

– Как что? Спал, конечно.

– А кто-нибудь может подтвердить, что вы всю ночь спали и не выходили из своей комнаты?

– Подтвердить? Нет, никто... Я тут один, без жены... Хотя нет, постойте! Есть один человек!

Сознание, что у него есть свидетель, способный подтвердить его алиби, вдохновило Сургучева, глаза его заблестели.

– Я где-то часов в двенадцать спать лег, – стал он рассказывать. – Лежу, уже дремать начал. И вдруг слышу – в дверь стучат. Что такое? Я вскочил, спрашиваю: «Кто там?» Слышу, какой-то женский голос отвечает: «Откройте на минуту, очень нужно». Фу ты, думаю, женщина, значит, одеться надо. Я быстренько натянул штаны, рубашку. Открываю. Вижу – стоит Татьяна, жена Аркадия. И спрашивает: «Скажите, Сергей, у вас нет баралгина? Голова очень болит. Кажется, у меня высокое давление». Я ответил, что весьма ей сочувствую, но у меня самого голова никогда не болит, даже с перепоею, и поэтому таблеток я не держу. И посоветовал обратиться к дежурному охраннику. Она сказала, что так и сделает. Ну, и я закрыл дверь. Вот, так что у меня есть свидетель.

Следователь Ярыгин слегка растерялся – он не ожидал такого поворота. Тогда Гуров решил вступить в разговор.

– К вам, Сургучев, есть и еще один вопрос, – сказал он. – Вопрос этот касается Андрея Вдовина. Догадываетесь, о чем разговор?

– Понятия не имею! – отвечал бизнесмен, разводя руками.

– А кто посоветовал Андрею попытать счастья на валютной бирже? Играть на курсах валют?

При этих словах лицо бизнесмена скривилось, словно проглотил что-то горькое. Он искоса взглянул на Гурова – видимо, оценивал, какой еще информацией он обладает. Гуров не обладал больше ничем, кроме этих нескольких слов. Поэтому он сделал лицо как можно более веселое и уверенное, словно готов в любой момент выложить на стол главные козыри. И бизнесмен поверил, что такие козыри у противника имеются.

– Ну да, – нехотя признался он, – дал я парню пару советов. А что было делать? Он ко мне как с ножом пристал: «Скажи, дядя Сергей, как мне быстро бабки отгрести». Ну, я научил...

– Видать, плохо учили, – заметил Гуров. – Никаких бабок Андрей на этом поле не отгреб; наоборот, еще в долги влез. И занимать пошел опять-таки к Кононову...

– Значит, Андрей тоже был в долгу у погибшего? – воскликнул удивленный Ярыгин. – Интересная деталь, я не знал... Если бы знал...

– Не стал бы менять младшему Вдовину меру пресечения? – договорил за него Гуров. – И напрасно. Не горюй: правильно сделал, что освободил парня. Ну что, у тебя еще вопросы к уважаемому Сергею Сергеевичу имеются?

– Да вроде нет пока...

– В таком случае мы с вами пока попрощаемся, – обратился сыщик к бизнесмену. – Но в усадьбе вам еще придется побыть. Вопросы еще могут возникнуть.

Глава 11

Гуров проводил следователя к машине и уже пожелал ему счастливого пути (при этих словах Ярыгин скривился – как видно, он по-прежнему жалел, что освободил из-под стражи Андрея Вдовина), но тут вспомнил о просьбе вдовы погибшего бизнесмена, Татьяны.

– Слушай, Виктор Васильевич, – сказал он, – тут ко мне обратилась с просьбой Татьяна Кононова, вдова погибшего. Она просит выдать ей тело мужа, для погребения. А также снять с нее самой подписку о невыезде. Я так понял, что она хочет отвезти тело в Москву. Ты не возражаешь?

Ярыгин некоторое время подумал. Пожав плечами, произнес:

– Вскрытие врачи провели, заключение сделали. Вопросов оно не вызывает. Причина смерти ясна. Так что держать покойника дальше вроде оснований нет. Что касается вдовы... не знаю... Вы-то сами как считаете?

– Мне кажется, она нам тоже для нужд следствия не нужна, – сказал Гуров. – Дело вряд ли бытовое. И потом, даже если она может что-то сообщить, мы всегда сможем ее допросить в Москве.

– Ладно, пусть едет, – согласился Ярыгин. – Я завтра же подготовлю все документы для выдачи тела и снятия с нее подписки. К обеду может ко мне подъезжать.

Гуров кивнул в знак согласия. Проследив, как машина следователя выкатил из ворот, сыщик направился было к дому, но затем остановился и свернул в сторону. Ему предстоял разговор с одним из ключевых свидетелей – тем самым Андреем, о котором только что шла речь на корте. От этого разговора многое зависело, и провести его надлежало на высоком уровне, без сбоев – совсем не так, как прошла их первая беседа в СИЗО. Поэтому надо было продумать стратегию разговора, продумать вопросы и возможные ответы на них. Гуров снова, как и в середине дня, сделал несколько кругов вокруг дома и только потом вошел внутрь.

Как он и предполагал, Андрея он нашел в комнате горничной Лены. Правда, самой Лены здесь не было – отлучилась куда-то. Младший Вдовин сидел на кровати и ковырял зубочисткой в зубах. Тут Гуров сообразил, что только что закончился ужин и он его тоже пропустил, как и обед.

– Что, поел? – спросил он.

– Да, перекусил слегка, – ответил Андрей, настороженно глядя на сыщика.

– Небось после тюремного варева здешняя еда царской показалась?

– Чего там показалась? Она царская и есть! Никита готовит как в Кремле. Да, разница чувствуется...

– Ну, раз поел, можно и поговорить, – заключил Гуров. – Только давай не здесь – Лена может в любую минуту вернуться, а у нас разговор предстоит серьезный, посторонние тут не нужны.

– А какой у нас с вами разговор? – сказал Андрей, пожимая плечами. – Я уже все рассказал, что знаю. Вон и обвинения с меня сняли. Полностью чист перед законом!

– То есть, как говорится, «на свободу – с чистой совестью»? Вот я и хочу поговорить с твоей чистой совестью. Уточнить кое-какие детали.

Андрей еще раз пожал плечами, но все же встал, и они вышли из комнаты, а затем и из дома. Гуров решил повести парня для беседы на ту самую горку, где он уже разговаривал с Ириной Вдовиной. «Будем считать, что это теперь мой рабочий кабинет, – подумал он. – По крайней мере, пока дождя не будет».

– Разговор у нас будет все о том же – о событиях той ночи, – начал Гуров, когда они уселись на скамью. – Точнее, о твоей роли в этих событиях. Значит, мы остановились на том,

что, после того как следователь предъявил тебе отпечатки твоих кроссовок и окурков сигареты, ты согласился, что был в кустах неподалеку от «зеленого грота»?

– Да, был. Стоял. Курил, – с вызовом произнес младший Вдовин.

– Да я и не спорю! К Кононову ты не подходил и вообще его не видел. Просто стоял, глядел в подозрную трубу, наблюдал, как Юпитер проходит орбиту Меркурия...

– Чего?! – с изумлением произнес Андрей. – Какую орбиту? Вы о чем?

– Ах да! Я совсем спутал! Конечно, не Юпитер в трубу, а Моцарт на флейте! Ты там стоял и наигрывал на флейте арию из оперы Моцарта «Хованщина». Так ведь?

Свой вопрос, как и предыдущий, насчет орбиты Юпитера, Гуров произнес с самым серьезным, «следовательским» видом, отчего растерянность его юного собеседника еще возросла.

– Что вы несете? – воскликнул он. – Какой Моцарт? Какая опера? Вы что, издеваетесь?

– Конечно, издеваюсь, – согласился Гуров. Вот теперь он был на самом деле серьезен. – Что мне еще остается делать, как не издеваться над твоим враньем? – сказал он. – Тем более теперь, когда я знаю все подробности того, что произошло той ночью. Знаю, что вы оба видели. Разве Лена уже не рассказала тебе о нашей с ней беседе?

– О вашей беседе? Нет, она не рассказывала...

– Ну, понятно, – кивнул сыщик. – Радость первого свидания... Девушке не хотелось омрачать этот миг рассказом о том, как она раскололась и выдала страшную военную тайну. Чтобы ускорить дело, я мог бы вести этот разговор в ее комнате, в ее присутствии. Но я никуда не спешу. Мне не отчитаться перед начальством надо, а раскрыть преступление и вызволить твоего отца из тюрьмы, куда его кто-то умело заталкивает. А заодно спасти вашу семью от разорения.

– От разорения? Какого разорения?

– А такого! Какое обычно случается, когда бизнесмена, главу крупной компании, сажают по сфабрикованному делу. Я не сомневаюсь, что вот-вот появятся какие-то финансовые претензии и все ваши денежки, на которые ты рассчитываешь, уплывут в другие руки. И случится это или нет, зависит в том числе и от тебя, от того, насколько правдиво ты будешь отвечать на мои вопросы. А чтобы ты убедился, что я не блефую и действительно многое знаю, я тебе расскажу, как было дело той ночью. Хочешь?

– Попробуйте, я послушаю, – сказал Андрей, криво усмехаясь. Он все еще пытался выглядеть уверенным в себе, но теперь это ему плохо удавалось.

– Значит, вы с Леной решили ради разнообразия заняться любовью на лоне природы, в парке. Если точнее – в «зеленом гроте». Но, уже подойдя туда, вы заметили, что там кто-то находится. А точнее, вы оба узнали Аркадия Кононова. Вы остановились за кустами и решали, что делать – вернуться в дом или поискать другой укромный уголок. И тут вы увидели еще одного человека, который направлялся к гроту. Это была женщина. Она вошла в грот, и тут Лене стало интересно. Она выглядывала из кустов, стараясь разглядеть, что там, в гроте, происходит. Она думала, что те двое тоже будут заниматься любовью...

– Это вам Ленка все рассказала? – спросил Андрей. Он больше не улыбался. – Что ж, похоже. Но почему вы говорите «ей стало интересно», «она выглядывала»? Я тоже там был...

– Да, ты там был. Но тебе это было совсем неинтересно! У тебя к этому свиданию было совсем другое отношение. Почему – я тебе потом объясню. Объясню, что я про тебя понял. А теперь послушай, что было дальше. Вы продолжали стоять, отделенные от той пары кустами и лужайкой шириной тридцать метров. И тут раздался выстрел! Вот этого вы оба никак не ожидали! Это для вас был шок – особенно для тебя. Лена порывалась сразу убежать, но ты ее удержал. У тебя был особый интерес. Ты хотел проверить свое предположение и узнать, что будет делать стрелявшая. И вот она вышла из грота, держа в руке пистолет, и направилась к пруду. Ты понял, что она стремится избавиться от улики. Больше за кустами было делать

нечего, и вы вернулись в дом. Там ты взял со своей подруги клятву, что она будет молчать. Она и молчала, пока я не припер ее к стенке и не заставил все рассказать. Теперь нет смысла молчать дальше. Тем более я знаю причину, по которой ты играл со следствием в молчанку и кормил Ярыгина разными баснями.

– И какая же это причина? – спросил Андрей. Он все еще криво усмехался, но эта ухмылка выглядела довольно жалкой.

– Причина в том, что ты решил, что знаешь, кто эта женщина, вошедшая в «зеленый грот». Ты решил, что это твоя мать! Ведь ты слышал ее разговор с Кононовым во время прогулки, когда Аркадий назначил Ирине Васильевне свидание. Верно ведь, слышал?

– Да, слышал... – нехотя признался Андрей. – У него шепот такой был... театральный... трудно не услышать.

– Да ты и раньше замечал, что Кононов ухаживает за твоей матерью. Тебя это, конечно, возмущало, но объясниться с Аркадием или рассказать об этих ухаживаниях отцу ты не мог. Не мог, потому что был должен Кононову деньги и боялся, что он, в свою очередь, все расскажет отцу. У вас у каждого была тайна, и это делало вас словно бы соучастниками. Так вот, ты слышал, как Кононов пригласил твою мать на свидание. Потому вы и пошли в грот, что ты был уверен – это место не занято, «влюбленные» встретятся на горке. Наверно, ты слегка удивился, увидев Кононова в гроте...

– Ну да, я никак этого не ожидал, – согласился Андрей. – Но потом решил, что Аркадий почему-то передумал.

– Именно так ты и решил. Но тебе совсем не хотелось, чтобы горничная наблюдала за любовными приключениями твоей матери. Поэтому ты и тянул Лену прочь, а она не уходила. И тут грянул выстрел... Это сразу изменило твое отношение к происходящему! Ты решил, что твоя мать решила избавиться от ухажера и убила его. Теперь ты не мог уйти, ты хотел видеть все до конца. И ты видел, как женщина в толстовке вышла из грота и прошла в сторону пруда. Ты понял, что она хочет избавиться от улики. Также ты понял, что Лена – единственный, кто может проболтаться, и взял с нее клятву молчать. Вот почему ты так отчаянно врал на допросах, вот почему изобретал все новые версии. Ведь не мог же ты сказать, что твоя мать – убийца!

– Да, я не мог, – глухо сказал Андрей.

Он сидел, глядя в сторону, судорожно сжимая и разжимая руки.

– И что теперь будет? – спросил он. – Вы расскажете все этому... Ярыгину? Маму арестуют?

– Не бойся, ничего я не расскажу, и Ирине Васильевне ничто не угрожает, – ответил Гуров. – Прежде всего потому, что она ни в чем не виновата.

– Правда?! – воскликнул Андрей. Теперь он уже не отворачивался, он пристально глядел прямо в глаза сыщика. – То есть вы думаете... вы думаете, что это он виноват? Что мама защищалась? Но зачем она принесла туда папин пистолет?

– Нет, Ирина Васильевна не виновата вовсе не по этим причинам, – объяснил Гуров. – А по другой причине, более основательной. Она не виновата потому, что ее там не было.

– То есть... то есть вы хотите сказать, что это была не она? Но как же...

– Ну да. Ведь ты не видел лица женщины, вошедшей в грот? Не видел. Ты решил, что это мать, потому что слышал разговор в парке. И еще потому, что убийца воспользовался оружием твоего отца. А код сейфа могла знать только Ирина Васильевна. И еще ты подумал про обувь...

– Да, у мамы с папой одинаковый размер, – подтвердил Андрей. – Мама могла в волнении, по ошибке обуть папины башмаки...

– Выходит, мать ты любишь сильнее, чем отца, – заметил Гуров. – Ведь если бы ты рассказал следователю все, что видел, обвинение против отца рассыпалось бы и его бы выпустили...

– Я всегда считал отца сильным человеком, – отвечал Андрей. – Человеком, который не нуждается в защите. Мама – другое дело...

– Бывают ситуации, когда и сильный человек нуждается в помощи. И помочь ему может тот, кого считают слабым. Теперь, когда мы с тобой во всем разобрались, уже нет необходимости скрывать правду, ведь так?

– А почему... почему вы так уверенно говорите, что это не могла быть мама? Разве это исключено? Или вы ее хорошо знаете и уверены в ее невиновности?

– Нет, я не так хорошо знаю Ирину Васильевну, – отвечал Гуров. – К тому же в таких вопросах, как дело об убийстве, даже хорошего знакомства с человеком бывает недостаточно. Заключение типа «Такой человек не мог убить», «Он никак не мог этого сделать» здесь не работают. Нет, я уверен в невиновности твоей матери по другим, более прозаическим причинам. Прежде всего потому, что ее показания о том, что она делала в момент убийства, подтверждаются словами других людей – вашего повара Никиты и горничной Марины. А кроме того, я не вижу никаких причин, которые заставили бы Ирину Васильевну пойти на убийство своего хорошего знакомого и тяжелый оговор мужа. Нет этих причин, хоть тресни.

– Выходит, теперь можно добиться освобождения папы? – с надеждой воскликнул Андрей.

– Думаю, да, – кивнул сыщик. – Завтра с утра поедем втроем в город: мы с тобой и еще Лена. Вы двое дадите показания, что видели той ночью. Надеюсь, этого будет достаточно, чтобы следствие согласилось на изменение меры пресечения для твоего отца. Но сначала мне нужно прояснить еще один вопрос относительно тебя.

– Давайте ваш вопрос, я отвечу, – обещал Андрей. Он заметно повеселел и выглядел бодро.

– Вопрос вот какой: зачем ты все-таки брал деньги у Кононова? Для чего они тебе понадобились? Какие-то долги?

– Нет, никаких долгов у меня нет, – отвечал Андрей. – Я брал не для себя – для друга. Он по неосторожности сбил человека, и нужно было срочно заплатить пострадавшему, чтобы он отозвал иск. Иначе другу грозила тюрьма. Я взял у Аркадия деньги, и друг откупился. Деньги Аркадию я, кстати, вернул. Ну, из тех сумм, что мне отец выделяет. Вроде как на карманные расходы. Еще есть вопросы?

– Нет, теперь уже никаких вопросов не осталось, – отвечал Гуров.

– Тогда я к Ленке побегу? – спросил Андрей. – Расскажу ей все, объясню, что завтра предстоит дача показаний, скажу, что надо говорить...

– Беги-беги, – кивнул сыщик. – Объясни. Только поспать ей дай.

Глава 12

Оставшись один, Гуров встал и с хрустом потянулся. «Все, хватит на сегодня, – решил он. – Вон, время уже десять часов, ночь на дворе. Я сегодня и обед пропустил, и ужин. Пойду на кухню – может, Никита еще там, сообразит мне какой-нибудь перекус на скорую руку. Если только они с Мариной не ушли к ней или к нему в комнату. Тогда уже неудобно будет просить...» Размышляя таким образом, он направился к дому. Однако, проходя мимо гаража, сыщик заметил, что дверь открыта, в гараже горит свет и видна фигура человека, склонившегося над капотом машины. По всей видимости, это был водитель Семен. Тут Гуров сообразил, что водитель наряду с охранником Павлом остался им неопрошенным. «Зайду на минутку, – решил сыщик. – Быстро проведу опрос, заполню эту клеточку – и тогда уже, с чистой совестью, отправлюсь просить паек у Никиты».

Он вошел в гараж и громко приветствовал его хозяина:

– Добрый вечер! Что, срочный ремонт?

Водитель распрямился, увидел сыщика, и на его лице отразилось некоторое смятение. Видно было, что он совсем не рад неожиданному гостю.

– Да, вот вожусь тут... – неопределенно ответил он.

Гуров ни в чем не подозревал водителя, его не упоминал никто из главных свидетелей. Однако такое явное смущение требовало объяснения. Гуров не любил оставлять какие-то детали непроясненными.

– Так что, завтра кто-то едет? Кому потребуется машина? – спросил он уже без всякого благодушия.

– Известно кому – Ирине Васильевне, – отвечал водитель. – Сказала, с утра в город поедет, в прокуратуру. Ну, и в тюрьму, конечно, с Игорем Арсеньевичем повидаться. А тут антифриз что-то подтекать стал, надо отрегулировать.

– Значит, хозяйку отвезешь – и все? А сам к следователю не думаешь зайти, показания дать? – спросил Гуров.

Водитель в испуге посмотрел на него.

– Показания? Какие? О чем?

– Как о чем? Об убийстве, конечно. С тобой следователь беседовал, когда в усадьбу приезжал?

– Со мной? Нет. Зачем ему со мной беседовать? Я ничего не знаю...

– Прямо-таки совсем ничего? – усомнился сыщик. – Ты ведь был здесь позавчера?

– Ну, был...

– А что ты делал ночью?

– Что все люди делают – спал.

– Ну, люди ночью разное делают, – заметил Гуров. – Некоторые на свидания ходят, а другие за ними с пистолетами бегают. Значит, ты спал... А где твоя комната?

– У меня не отдельная, – объяснил водитель. – Мы с Егором Кошкиным, охранником, в одной комнате живем.

– А, это тот охранник, который к горничной Марине пристаёт?

– Нет, что вы! Это вы путаете. К Марине другой охранник, Павел, подкатывал. А Егор – парень правильный. И потом, у него девушка есть, она к нему из Москвы сюда приезжала.

– Да, мне говорили. Выходит, это я с твоим соседом беседовал. А когда вы с Егором легли спать?

– А мы по-разному с ним ложимся. У него дежурство, по графику. А я обычно где-то в половине одиннадцатого ложусь. Кино какое по телику посмотрю – и ложусь.

– И позавчера так было?

– Да, именно так и было. Лег как обычно и спал до утра.

– Ночью ничего не слышал?

– Ничего абсолютно! – уверенно отвечал водитель, глядя прямо в глаза сыщику. Однако именно эта твердость заранее продуманного ответа, этот честный взгляд и вызвали сомнения у Гурова. Он вспомнил крошечную заминку в ответе охранника Кошкина, когда ему был задан вопрос – не слышал ли он что-то ночью. И он решил, что имеет дело с враньем. Оба, и охранник, и водитель, врут. Это надо было проверить.

– А вот Кошкин мне сказал, что слышал выстрел, – заявил сыщик. – Когда спать ложился. Как же так получается: он слышал, а ты нет?

Водитель растерялся. Он несколько раз открывал и снова закрывал рот, не зная, что сказать. Гуров понял, что его надо подтолкнуть, а то свидетель начнет врать, и уже трудно будет вырвать его из этого вранья.

– Слушай, Семен, – доверительно произнес он. – Ты пойми одно: тебя лично ни в чем не подозревают. Просто мне необходимо узнать в точности все детали того, что здесь произошло. Поэтому я так интересуюсь подробностями. Ни одного темного пятна не должно остаться! Это необходимо, чтобы выручить Игоря Арсеньевича из тюрьмы. Ведь он не виноват в убийстве, я это знаю. И хочу это доказать следователю. Так что давай соберись с духом и расскажи мне все, что относится к этому делу.

– Так что вы хотите, чтобы я рассказал?

– Я же сказал – все. Начнем с вечера, даже с дневного времени. Ты днем ездил куда-нибудь?

– Да, возил Игоря Арсеньевича в город, в банк. Еще он в областную администрацию заходил, в торговую палату...

– Во сколько вы вернулись?

– Шести еще не было.

– И что ты потом делал?

– Как всегда после поездки, машину мыл. Потом поужинал...

– Ты где ужинаешь – на кухне?

– Ну да, обычно мы садимся за стол вместе с Петром Леонидовичем, садовником, и с Михаилом Степановичем.

– Михаил Степанович? – с удивлением спросил Гуров. – А кто это?

– Как, разве вы не знаете? – в свою очередь, удивился водитель. – Это наш управляющий.

– Управляющий чем?

– Всей усадьбой. Он тут всем хозяйством ведает, слугами управляет, провизию закупает, за порядок отвечает. Худощавый такой мужчина. Да вы наверняка его видели, он всегда здесь.

Тут Гуров стал припоминать – и действительно вспомнил худощавого человека чуть выше среднего роста, с длинными висячими усами. Он никогда не видел его вблизи, а всегда на некотором отдалении, когда тот шел мимо дома, из одного конца парка в другой или же разговаривал с кем-то из слуг. Сыщику ни разу не довелось присутствовать при его беседе с кем-то из живущих в усадьбе, а потому он и не познакомился с управляющим. «Какое, однако, у человека свойство замечательное – делать свое дело, оставаясь совершенно незаметным, – подумал Гуров. – Вообще-то такая незаметность наводит на подозрения. Ведь она больше относится к людям моей профессии, а тут управляющий... А может, он полицейский, вышедший на пенсию. Во всяком случае, в усадьбе есть еще одно лицо, с которым я не побеседовал. Это упущение, его надо исправить». Но сначала надо было закончить беседу с водителем.

– Значит, вы с садовником и управляющим поужинали, – сказал сыщик. – А потом что делали?

– Обычно мы после ужина той же компанией садимся за преферанс, – отвечал водитель. – Мы все люди примерно одного возраста, играем на одном уровне, так что получается интересно.

– И в тот вечер играли?

– Да, до десяти часов сидели. Даже до половины одиннадцатого.

– А где?

– В конторе у Михаила Степановича.

– И кто выиграл?

– Да какие у нас выигрыши! Так, по рублю ставим. Михаил Степанович и выиграл.

– А потом что было, когда играть закончили? Ты сразу спать пошел?

– Н-нет... – признался водитель. – Я вышел покурить... вообще прошелся по парку...

Он замялся, словно хотел еще что-то сказать, но промолчал.

– Нет, Семен, так у нас не пойдет, – решительно произнес Гуров. – Я тебе вроде объяснил, зачем мне нужны все подробности того вечера, и как они нужны. А ты мне на каждом шагу что-то утаиваешь. Давай говори, кого ты в парке увидел? Что там такого необычного происходило?

– Да с чего вы решили, что там что-то необычное было? – попробовал возражать водитель. – Ничего такого особенного...

– Не тяни, говори давай! – сказал Гуров, возвысив голос. Это подействовало. Водитель глубоко вздохнул, словно перед прыжком в воду, и признался:

– Зашел я за дом... это в сторону «зеленого грота»... Сигарету уже докурил. Думаю, пора домой возвращаться, спать ложиться. И вдруг слышу голоса. Два человека идут и громко так объясняются. Я хотел было выйти, обозначить свое присутствие, но не успел: они уже подошли близко. И потом, они такое говорили, что неловко мне было выходить, показывать, что я что-то слышал. Я решил, что они мимо пройдут, и все. Но они как раз неподалеку от меня остановились, за кустом, так что мне все было слышно.

– Да кто «они»?

– В том и дело – кто. Я потому и не хотел об этом упоминать, чтобы неприятностей не получить. Один был Аркадий Ильич, а второй... второго я не сразу опознал, а потом понял. Это был Сургучев, Сергей Сергеевич.

– Так, один вопрос ясен. Значит, поздно вечером в парке объяснялись Кононов и Сургучев. И что было за объяснение?

– Ну, я дословно не помню... Но смысл был такой, что Аркадий Ильич нападал, а Сургучев защищался.

– Нападал? Обвинял его то есть?

– Ну да. Он примерно так говорил: зачем, дескать, Сургучев подсунил ему эту гадость? И вообще, как он смеет ему угрожать?

– А о какой гадости шла речь, ты не понял?

– Нет, этого я не знаю. Вот дословно передаю: «Как ты мог сунуть мне эту гадость?!» Так Аркадий Ильич говорил.

– А Сургучев что отвечал?

– Он вроде все отрицал. Возмущался даже. И все матом. Он вообще больше матом выражается. «Чё ты лепишь?! – кричал. – Ничего я тебе не клал! Больно надо!» А Аркадий ему про деньги, которые Сургучев ему вроде должен. «Отдавать, – говорит, – не хочешь, так теперь еще и угрожать мне вздумал!»

– То есть Кононов говорил о каком-то документе, в котором Сургучев ему угрожал?

– Ну, там слова «документ» не было. Но вроде так.

– А слово «записка» они случайно не говорили?

Водитель напрягся, пытаясь вспомнить.

– Записка, записка... Нет, ничего такого они не говорили.

– Кононов случайно не цитировал содержание полученной угрозы? Не было сказано таких слов: «Я этого так не оставлю»? А еще: «Ты за это заплатишься»?

Тут Семен Вихляев воодушевился.

– Да! – воскликнул он. – Было! Точно так он и сказал! Аркадий Ильич, значит. «Ты за это заплатишься». Так он говорил.

– А Сургучев, значит, все отрицал?

– Ну да. «Откуда я знаю, – кричит, – кто тебе ее подsunул? Это вообще не мой почерк! Да если хочешь знать, я вообще давно ручкой ничего не пишу. Это кто-то подставить меня хочет!»

– И чем их беседа закончилась?

– Чем закончилась? Они еще минут десять так ругались, потом Аркадий Ильич плюнул, сказал: «Да пропади ты пропадом! И не смей мне угрожать!» И ушел. А потом и Сургучев ушел. Ну, и я выждал, чтобы они подальше отошли, и тоже отправился спать.

Водитель договорил и вздохнул с облегчением, как человек, который выговорился и снял с души тяжелый груз, как человек, которому больше нечего скрывать. Однако Гуров так не считал.

– Ну вот, одну вещь ты мне рассказал, – произнес он. – Теперь давай рассказывай и остальное.

– Да что же еще?! – с возмущением воскликнул водитель. – Не было ничего больше!

– Нет, было! – твердо заявил Гуров. – Давай рассказывай про выстрел. Ведь вы оба – и ты, и охранник Егор – его слышали. Но оба скрываете. Ведь слышали?

– Откуда вы знаете? – спросил водитель. Он выглядел смущенным и растерянным.

– Да уж знаю. Есть у меня один свидетель. Так что давай рассказывай.

На самом деле он опять блефовал. Достоверно он ничего не знал. Однако днем, беседуя с охранником Егором Кошкиным, он обратил внимание на крошечную заминку в его ответе о том, что происходило ночью. И теперь такую же заминку допустил водитель. Это могло означать только одно: оба что-то слышали и не хотят об этом говорить.

– Давай, Семен, докладывай, – повторил сыщик. – Или мне за тебя рассказать?

– Зачем за меня? – пробормотал водитель. – Я и сам могу. Значит, я как раз спать лег. Тут Егор пришел: у него смена начиналась, и он зашел куртку взять. А то ночью прохладно бывает. Ну, он ее взял, еще меня спросил, как, мол, игра прошла... И тут грохнуло... там, в парке.

– Хлопнуло или грохнуло?

– У нас окно как раз на ту сторону выходит, – объяснил водитель. – В сторону «зеленого грота». Так что мы хорошо этот звук слышали. Грохнуло что-то. Я в кровати сел, говорю: «Слышь, Егор? Вроде стреляют!» Он кивнул, к двери шагнул – вроде выйти собирался. А потом передумал. Постоял-постоял и никуда не пошел. Я его спрашиваю – чего, мол, он не пойдет, не узнает, что случилось? А он внимательно так на меня посмотрел и говорит: «Вот скажи, Семен, ты как к нашей хозяйке относишься? К Ирине Васильевне?» Я такому вопросу удивился, но ответил, что нормально отношусь, уважаю. Он мне и говорит: «И я ее уважаю. Другую такую женщину еще поискать. И если мы с тобой не хотим для нее беды – давай договоримся, что мы этого выстрела не слышали». Я удивился. «Как это, – говорю, – не слышали?» А он отвечает: «Так и не слышали. Не было никакого выстрела, понимаешь? Я, по крайней мере, ничего не слышал. И если кто меня будет спрашивать, так и отвечу. И тебе советую».

– А ты его не спрашивал, почему этот факт надо скрывать, какая от этого будет польза для Ирины Васильевны?

– Почему же, спрашивал. Но он ничего толкового мне не сказал. Только продолжал твердить, что в интересах хозяйки и ее мужа говорить, что никакого выстрела не было.

– Понятно... – задумчиво произнес Гуров. – Он продолжал твердить – значит, у него на этот счет имелись какие-то соображения. А ты просто ему поверил и стал твердить то же самое. Мой тебе совет, Семен: больше так никогда не делай. Не скажу: «Не ври!» Врать в жизни

иногда приходится, без этого не обойтись. Но не ври, не зная, зачем и почему ты это делаешь. Иначе когда-нибудь попадешь в нехорошую историю.

Глава 13

Снабдив Семена Вихляева этим запасом полицейской мудрости, Гуров вышел из гаража и направился к дому. По дороге он взглянул на часы. Шел уже двенадцатый час – разговор с водителем занял больше часа. «Ну, теперь я уже точно Никиту на кухне не застаю, – размышлял он. – Значит, остался я без ужина. Может, потерплю до утра?» Однако организм четко сообщил сыщику, что терпеть до утра он не намерен. Есть хотелось нестерпимо. «Нет, придется мне все же на кухню сходить, – решил Гуров. – В конце концов, могу обойтись и без Никиты. Что я себе, бутерброд не сооружу? А может, и что-то посолиднее найдется».

С этими мыслями он подошел к дому и взглянул на окна. Он обратил внимание на два освещенных окна на втором этаже. «Одно, кажется, в спальне хозяйки, – подумал сыщик. – А второе в гостевом крыле. Интересно, кто это еще не спит в полночь?»

Мысль о том, что в доме не все спят, подтвердилась, когда он вошел в вестибюль, – где-то наверху негромко щелкнула, закрываясь, дверь. Впрочем, сейчас Гуров не собирался проверять режим дня обитателей усадьбы. Сейчас его интересовало только одно – еда, которая имеется в наличии. Поэтому он направился прямо на кухню. Издалека, еще из коридора, он заметил свет, падающий из дверей «храма пищи», и обрадовался. «Наверно, у Никиты какие-то дела, и он задержался», – решил сыщик. Однако когда он вошел в кухню, он, к своему удивлению, не увидел там повара. Вместо него возле раскрытого холодильника стоял спиной к входу незнакомый Гурову человек – чуть выше среднего роста, худощавый, в строгих черных брюках и белой рубашке. Услышав шаги, человек повернулся, и Гуров увидел лицо человека лет пятидесяти, украшенное длинными висячими усами. Тогда он понял, с кем имеет дело.

– Михаил Степанович, если не ошибаюсь? – спросил он.

– Он самый, – ответил обладатель замечательных усов. Голос у него был густой, рокошущий. – А вы, я так полагаю, Лев Иванович?

– Вы не ошиблись. Вы, стало быть, здешний управляющий?

– Совершенно верно.

– Как же так получилось, что я прожил здесь целую неделю и ни разу вас не видел и не познакомился?

Управляющий развел руками.

– Такой уж я, как видно, человек – скрытный, который не любит попадаться на глаза. А если серьезно – я не так часто бываю в усадьбе. Ведь на мне лежит все снабжение этого дома – и провизией, и всеми предметами быта вроде мыла и шампуня. А еще расчеты с поставщиками услуг, оплата счетов... Вот и сейчас я только что приехал из Кашина, продукты привез.

– Так вы поэтому так поздно! Но ведь водитель с вами не ездил – я только что с ним разговаривал...

– А зачем мне водитель? Я и сам могу за рулем посидеть. Машина, конечно, не моя, Игоря Арсеньевича. Он за мной «Рено» закрепил, на ней и езжу. Там, в городе, мне все грузчики и продавцы погрузят, а здесь Павел, охранник, помог сейчас выгрузить. Вот хочу что-нибудь перед сном перекусить, а то ужин проездил, а голодному ложиться неохота. А вы что – тоже без ужина остались?

– Ну да, – Гуров пожал плечами. – Все разговоры, разговоры...

– Ладно вам! – Михаил Степанович махнул рукой. – Представляю ваши разговоры! Это не дружеская беседа за чашкой чая. Такие «разговоры» изматывают хуже любого физического труда. Ну да ничего. Сейчас я и себе, и вам что-нибудь сооружу. И Никиту будить не придется. Скажите, вы что предпочитаете – ветчину, колбасу или котлеты без гарнира?

– И того, и другого, и третьего, только побольше, – отвечал Гуров.

– Понятно. А приправить чем? В смысле – что пить будете? Водку, коньяк, бренди?

– А тут наоборот – ни того, ни другого, ни третьего, – заявил сыщик. – У меня правило – пока идет следствие, не принимать никаких напитков крепче чая.

– Похвальное правило, весьма похвальное! Тогда я чай и приготовлю. Вы садитесь за стол, а я хлопотать буду.

Гуров последовал совету управляющего, уселся за кухонный стол и стал наблюдать за действиями Михаила Степановича. Тот быстро и ловко нарезал хлеб, колбасу, разогрел в микроволновке холодные котлеты, соорудил две горы бутербродов и поставил их на стол – одну перед Гуровым, другую, пониже, – на свою сторону стола. Затем заварил чай, разлил его по чашкам и только тогда сел на место.

– Как у вас ловко все получается! – заметил Гуров. – Вы, наверно, могли бы и Никиту при случае заменить.

– Ну, совсем заменить – это вряд ли, – отвечал управляющий. – А вот подменить на время могу. Я ведь несколько лет работал на такой же должности – заведующего хозяйством – в одной государственной структуре. Важных людей обслуживал.

– А Игорь Арсеньевич вас оттуда, стало быть, сманил?

– Ну да, вроде того.

На этом разговор на время прервался – оба собеседника занялись поглощением бутербродов. И лишь когда тарелки опустели, Гуров задал вопрос, который давно хотел задать:

– Сами понимаете, я просто обязан вас спросить, что вы делали в ночь убийства. Где были вечером, ночью?

– Да, я понимаю, – отвечал управляющий. – Но мне ответить вам почти нечего. Вечером, после ужина, я играл в карты. Люблю, понимаете, это дело. А тут партнеры нашлись мне по силам – Семен Вихляев, водитель, и садовник Петр Леонидович. Вот мы втроем и сидели у меня в конторе.

– Долго сидели?

– Нет, часов до одиннадцати.

– Точно до одиннадцати?

– Я, Лев Иванович, привык время точно отмечать. Так что за свои слова ручаюсь.

– Хорошо. А потом?

– А потом я отправился на боковую. И спал, что называется, без задних ног. Предупреждая ваши дальнейшие вопросы, сразу скажу: выстрела я не слышал и вообще ночью не просыпался. Пробудился только утром, тогда и узнал о случившейся трагедии.

– А когда ложились, вы не заметили... – начал Гуров. Однако закончить вопрос ему не удалось. Откуда-то – кажется, из коридора – послышался звук быстрых шагов, а затем чей-то голос громко произнес: «Ты зачем открываешь? Ты чего делаешь? Закрой!» Последовал ответ, которого Гуров не расслышал, после чего говоривший помянул своего собеседника по матери, шаги застучали по направлению к входной двери и стихли. Тут Гуров вспомнил, что уже слышал сегодня этот голос – он принадлежал охраннику Егору Кошкину.

– Кажется, происходят какие-то события, и не слишком приятные, – заключил он. – Надо посмотреть.

И, отставив в сторону тарелку с последним оставшимся бутербродом, он направился к выходу. За собой он услышал звук отодвигаемого стула – видимо, управляющий пошел за ним.

Выйдя из дома, Гуров увидел впереди Кошкина – тот быстро шел, почти бежал, по направлению к воротам. Сыщик поспешил за ним.

– Что случилось? – спросил он, догнав охранника.

– А, вы не спите? – воскликнул Кошкин, и Гуров уловил в его голосе радость. – Это хорошо. Что случилось? А то, что Павел с глузду съехал. Посторонние какие-то подъехали, а он взял и впустил их.

– Что за посторонние? – спросил Гуров.

Однако охранник не успел ответить. Впереди, за поворотом дорожки, показался свет фар. Он быстро приближался, и вот уже черный джип выкатился на площадку перед домом. Следом за ним подъехала и вторая машина. Захлопали дверцы, из машин стали вылезать люди. Всего вышло восемь человек. Опытный взгляд Гурова сразу опознал их. Он не раз видел людей этого типа: в хороших, хотя и не очень дорогих костюмах, накачанных, с мощными шеями, бритыми затылками. Говорить они были не мастера, зато умело действовали бейсбольными битами и арматурой. Это были сотрудники разного рода ЧОПов и коллекторских агентств, частные охранники; иногда они имели в карманах удостоверения помощников депутатов. Появление таких людей в доме никогда не предвещало ничего хорошего; а уж их приезд среди ночи вообще можно было расценивать как чрезвычайное происшествие. Впрочем, Гуров не боялся этих «бойцов» нового поколения – он не раз имел с ними дело и знал, как себя вести.

– Ага, вот и местные лохи, – произнес один из приезжих, увидев Гурова и Павла. – Вы что, на прогулку собрались? Правильное решение. Идите, ребята, к воротам, и дальше, дальше. Вы тут больше не живете.

– Кто старший группы? – негромко, но очень твердо и отчетливо спросил Гуров.

– На что тебе, дедуля, старший? – отозвался тот же «боец», что советовал им идти к воротам. – Мы все здесь старшие! Давай иди тихо куда шел, и будешь цел! Отдыхай! Только в другом месте...

– Я полковник полиции Лев Гуров! – веско произнес сыщик; произнес так, словно гирию на весы бросил. – Я нахожусь здесь по заданию руководства и расследую совершенное преступление. А вы кто такие и почему здесь находитесь? Кто у вас старший, кто может ответить?

Прибывшие переглянулись. Кураж, с которым они приехали, явно поубавился. Они явно не были готовы к такому повороту событий. Примерно минуту длилось молчание, никто не отвечал на вопрос Гурова. Затем задняя дверца джипа открылась, и на площадку ступил еще один человек. Этот походил уже не на помощника депутата, а на самого народного избранника: и костюм у него был подороже, и выглядел он не таким накачанным.

– Я здесь старший, – таким же властным тоном, как и сам Гуров, произнес этот человек.

– И кто вы такой? Назовитесь! – потребовал сыщик.

– Я директор акционерного общества «Финансстрой» Вячеслав Витальевич Викторов.

– Допустим. И почему вы, Вячеслав Витальевич, решили нанести визит госпоже Вдовиной? Да еще избрали для визита такое позднее время? Она что, вас пригласила на чай?

– Нам приглашение не требуется, – веско ответил директор АО. – Мы приехали для того, чтобы вступить в права собственности этой усадьбой, как и всем имуществом господина Вдовина, ныне обвиненного в убийстве.

– Вот как? И почему и когда права на имущество Вдовина перешли к вашему АО?

– А вот это уже не ваше дело, – резко заявил Викторов. – Это вопрос финансовых отношений нашего АО и компании Игоря Вдовина. Вопрос этот сложный и понятный только специалистам. К полиции он никакого отношения не имеет. Отойдите в сторону и не мешайте моим сотрудникам выполнять свои обязанности.

– Ошибаетесь, господин Викторов, вопрос овладения чужим имуществом имеет ко мне самое прямое отношение, – отвечал Гуров. – Я не хочу вникать в сложный вопрос финансовых отношений. Я хочу только одного: чтобы вы показали мне решение суда, по которому вы получаете права на имущество Игоря Вдовина и его супруги. Покажите решение!

И он протянул руку – давай, дескать, свою бумагу.

Холеное лицо директора АО передернулось; на нем выразилось смущение.

– Решение имеется, можете не сомневаться, – заявил он. – Просто оно сейчас у нотариуса, на оформлении. Утром я вам его покажу.

– Судебное решение не требует нотариального оформления, и вы это не хуже меня знаете, – отвечал Гуров. – Да и что это за нотариус, который в полночь бумаги оформляет? Повто-

ряю: покажите решение, тогда и будем разговаривать серьезно. А пока я воспринимаю ваш поздний визит как наглый наезд. И требую, чтобы вы немедленно покинули территорию, которая является частной собственностью. А если вы и ваши, как вы говорите, «сотрудники» попытаетесь войти в дом или предпринять иные насильственные действия, я буду вам препятствовать. И ваши действия буду расценивать как нападение на офицера полиции.

Последнюю фразу Гуров произнес чуть громче и адресовал ее уже не столько директору, сколько его бойцам: устав стоять без дела, они начали окружать Гурова и охранника Кошкина; выглядели они при этом весьма угрожающе. Слова Гурова подействовали: «бойцы» остановились и вопросительно уставились на своего начальника. Директор АО «Финансстрой» медлил: как видно, уходить с пустыми руками ему не хотелось, давать команду напасть на Гурова он боялся, а продолжать перепалку дальше было бессмысленно. Наконец Вячеслав Викторов скривился, словно укуса выпил, и процедил, с ненавистью глядя на Гурова:

– Хорошо, мы уйдем. Сейчас уйдем. Но завтра – слышите, завтра! – я вернусь с судебным решением. И тогда эта усадьба будет уже моей собственностью, и вы будете находиться на чужой территории. Вот тогда и поговорим.

После этого директор буркнул своим подчиненным: «Поехали!» – и скрылся в джипе. Вслед за ним сели в машины и парни с бритыми затылками. Обе машины взревели моторами, развернулись и укатили прочь.

– Ух! – выдохнул охранник Кошкин. – Здорово вы их, Лев Иванович! Я уж думал, сейчас они нас метелить начнут. По четыре бойца на каждого из нас – многовато получалось. А вы так повернули... Я бы так не сумел!

– А ты, Егор, поступай в полицию служить, – посоветовал ему Гуров. – Прослужишь лет тридцать – глядишь, научишься. Еще лучше будешь с бандитами разговаривать! Ты мне лучше вот что скажи: что тебе твой напарник Павел ответил? Ну, когда ты ему кричал, зачем он ворота открыл? Я на кухне был, не расслышал его ответ.

– А он сказал, что, мол, принял эти машины за новых гостей, – объяснил Кошкин. – Но это все ерунда. Когда гости приезжают, нас заранее предупреждают.

– Кто?

– Управляющий, Михаил Степанович, или Ирина Васильевна, или сам Игорь Арсеньевич. Но какие сейчас могут быть гости? Тут убийство, следствие, хозяин в тюрьме сидит... Да вы сами у него спросите, пусть расскажет.

– Давай так и сделаем, – сказал Гуров. – Пойдем вместе и спросим.

Они вернулись в дом и направились в комнату дежурных. Гуров отметил, что свет в кухне уже не горит; вообще нигде в доме не было света, только в вестибюле слабо светился ночник, позволяя ориентироваться. И нигде не было заметно опытного управляющего Михаила Степановича. «Слабоват оказался управляющий, – подумал Гуров. – Как видно, обслуживание «важных людей» приучило его к осторожности. Ну да ладно, мне с ним на дело не идти».

Кошкин, шедший первым, распахнул дверь в дежурку – и застыл в недоумении. Гуров через его плечо заглянул в комнату и убедился, что в ней никого нет.

– Куда же он делся? – удивлялся Кошкин. – Может, к себе в комнату пошел?

Заглянули в комнату Павла, а потом еще в туалет и на кухню, но охранника нигде не было.

– Может, он с этими уехал, с «гостями»? – предположил Кошкин.

– Нет, из дома никто не выходил, – отвечал Гуров. – Я за этим следил. Их вышло восемь человек, директор девятый, и столько же уехало.

– Не в парк же он ушел гулять в час ночи! – размышлял вслух Кошкин, когда они, обойдя все помещения, вернулись в вестибюль. – С девушками здешними у него роман не сложился, так что у них он прятаться не может... Да и зачем ему прятаться?

– Прятаться у твоего напарника резон есть, – сказал Гуров. – Допустим, ему очень не хочется отвечать на мои вопросы. А чтобы на ночь спрятаться, мест здесь достаточно: парк,

кладовка, где садовник свой инструмент держит, гараж... Ладно, черт с ним. Этот допрос можно отложить до завтра. А сейчас, товарищ Кошкин, мне хочется задать пару вопросов тебе.

– Мне? – удивился охранник. – Мы с вами вроде уже беседовали...

– Да, беседовали, – согласился Гуров. – Однако с тех пор прошло полдня, у меня появилось много новой информации. И возникли вопросы. Самый главный вот какой: почему ты приказал водителю Семену Вихляеву скрыть от следствия услышанный вами выстрел? И почему ты связал этот выстрел с именем вашей хозяйки? Объясни мне это.

Лицо Егора Кошкина помрачнело. Как видно, он не ожидал, что Гуров так быстро узнает об их общей с водителем тайне. Несколько секунд он размышлял, затем решительно тряхнул головой и произнес:

– Хорошо, я отвечу. Я уговорил Семена молчать о выстреле, потому что думал, что стреляла Ирина Васильевна. А думал я так потому, что услышал вечером разговор...

– С Кононовым?

– А вы тоже об этом разговоре знаете? Ну, тогда мне нечего вам особенно рассказывать. В общем, я давно заметил, что Аркадий Ильич к Ирине Васильевне клеится. Она к этому никаких поводов не давала, просто у него характер такой – ни одной юбки не пропускать. Он здесь и к горничным обеим клеился, и к Лене, и к Марине, и к этой красотке, что с певцом приехала. И вчера слышу, он ей говорит: «Буду вас ждать». Она на него с такой злостью посмотрела... Я эту сцену хорошо запомнил. И когда услышал выстрел, подумал: это Ирина Васильевна решила избавиться от приставаний. И решил ни в коем случае не рассказывать про разговор Коконова с Ириной Васильевной и про выстрел, который мы слышали.

– Вот, значит, как... – задумчиво произнес Гуров. – Выходит, ты проникся к хозяйке такой симпатией, что... Уж не влюбился ли ты в нее, часом, а, Егор?

Лицо охранника слегка покраснело. Но он был человек крепкий и больше ничем своего волнения не выдал.

– Чего выдумываете? – грубовато сказал он. – Глупости все это. Просто решил не подставлять хорошего человека.

– Ладно, твое дело, – согласился Гуров. – Больше у меня к тебе вопросов нет. Ты сейчас куда – дежурить пойдешь?

– Ну да. Кто-то ведь должен дежурить, если Павел куда-то делся.

– Понятно. Ну а я спать пойду. А то завтра на ногах стоять не смогу. А мне завтра свежая голова нужна. Ты вот что: если увидишь своего напарника, передай ему, что полковник Гуров хочет утром с ним побеседовать. И напоминает, что Павел, как и все в доме, находится под подпиской о невыезде. И пусть не делает глупостей.

Дав охраннику такое напутствие, Гуров отправился к себе. Прежде чем лечь, он тщательно запер дверь (чего до этого никогда здесь не делал), да еще придвинул к ней тумбочку. А под подушку положил верный «макаров». Перед сном он составил план действий на следующий день. И первым пунктом в этом плане был ранний – не позднее восьми часов утра – звонок в Москву, генералу Орлову. Гуров ясно сознавал, что слова директора АО «Финансстрой» были не пустой угрозой. Появление директора и его «сотрудников» подтверждало правоту Гурова, ту мысль, что он высказал в беседе с младшим Вдовиным – что убийство Коконова произошло не само по себе, что это может быть частью многоходовой комбинации, конечная цель которой – отнять бизнес Игоря Вдовина. Сегодняшний наезд показывал, что комбинация существует и начинает осуществляться. Справиться с ней можно было только с помощью Орлова – даже не самого генерала, а высшего руководства МВД, к которому у генерала имелся выход.

Глава 14

За остаток ночи ничего существенного не случилось – по крайней мере, Гурова никто не будил, над ухом у него не стреляли и в дверь не ломились. Проснувшись в семь, Гуров спустился вниз. На кухне он застал Никиту, который готовил завтрак.

– Ты Павла, охранника, сегодня случайно не видел? – спросил сыщик.

– Случайно видел, – отвечал повар. – Он только недавно отсюда ушел.

– Завтракал?

– Ну да, как обычно.

– Это хорошо, что он позавтракал, – сказал Гуров. – На сытый желудок люди добрее бывают. Может, не сразу кинется...

– А, это вы шутите! – догадался Никита. – Так вам кофе или чай?

– Лучше чай, пару чашек, – отвечал Гуров. – И к нему горку бутербродов высотой с Эверест. Ну ладно, с Эльбрус. Но не прямо сейчас, чуть позже. Сейчас я пойду с Павлом поговорю. Побеседую с другом сердечным Павлушей натошак. Так что насчет его доброго расположения я не совсем шутил.

Не заглядывая в дежурку, сыщик отправился прямо к комнате, которую занимал охранник. Подойдя, он резко толкнул дверь. Она была не заперта на замок, а только закрыта на задвижку. От удара язычок задвижки отлетел, и Гуров шагнул в комнату. Охранник сидел на кровати и тыкал пальцем в мобильник – видно, собирался куда-то звонить. Увидев ворвавшегося к нему сыщика, он нахмурился и собрался встать. Но Гуров не дал ему этой возможности – толкнув парня в грудь, он заставил его сесть снова на кровать и навис над ним.

– Давай колись, кому ты ходил вчера докладывать! – резко потребовал он.

– Чего докладывать? Ни к кому я не ходил! – окрысился Павел.

– Не ври! Я точно знаю, что доклад был. Ты доложил, что сделал все, как тебе сказали, бригаду впустил. Но тут мент проклятый помешал, и бригаде пришлось уехать ни с чем. Так? Так, я спрашиваю?

Охранник молчал. Он явно не знал, как себя держать. Противник, то есть Гуров, явно что-то знал. Поэтому отрицать все было глупо. Но что он знает, а чего нет?

Охранник лихорадочно соображал, что говорить. А задача Гурова на этом этапе была – не дать ему что-то сообразить и выстроить правильную линию поведения. Натиск, напор – вот что сейчас требовалось. А еще хитрость, использование неожиданных, нестандартных ходов.

– Ладно, можешь не говорить, – вдруг махнул рукой Гуров. Оглянувшись, увидел стул, сел на него; держал себя расслабленно. – Можешь не говорить, – разрешил он охраннику. – Больно мне твое признание нужно! Я и так все знаю. Одного не знаю – кому именно ты звонил? И куда – в Кашин или прямо в Москву? Если в Москву, то мне надо тебя прямо сейчас винтить, класть в машину мордой вниз и везти туда – в древнюю столицу. Там тебя будут допрашивать другие люди, специалисты. И там ты задержишься надолго. А если звонил ты в Кашин – тогда ничего, тогда останешься здесь. Ну, ответь, не томи душу, а то я еще не завтракал. А на пустой желудок с такими, как ты, беседовать – исключительно вредно.

Охранник Павел Ступин молчал. На его лице отразилась напряженная работа мысли – даже пот выступил от умственного напряжения. Наконец он нехотя произнес:

– Ладно, скажу. В Кашин я звонил.

– Вот как? Очень интересно! И кому же?

– Человек такой есть, Русланом зовут. И не надо спрашивать, кто он, что – я его никогда не видел и делов его не знаю. У меня только номер его есть.

– А номер тебе в Москве дали? – предположил Гуров. – Месяца три назад, так?

– Почти. Не три, а пять. В марте дело было.

– Ну да, конечно, в марте! Пригласили в ресторан, закуска царская, вискарь, все такое. И чемодан денег. А всех делов – смотреть, что у хозяина, у Вдовина то есть, делается и кого нужно извещать. Так?

Однако Ступин не собирался полностью сдаваться. Он сообразил, что отступил уже слишком далеко, и внезапно разозлился – и на себя, и, конечно, на Гурова, который обвел его вокруг пальца и заставил так много рассказать.

– Ничего я вам больше не скажу, понятно?! – заорал он, снова порываясь встать; и снова сыщик толкнул его обратно на койку. – И нечего руки тут распускать! Я чё, задержанный? Или обвиняемый? Если обвиняемый, то в чем? Предъявите обвинение! Пока не предъявите, ничего больше не скажу!

– Придет время – предъявим, – пообещал Гуров. – И права зачитаем, и все как положено. А пока можешь отдыхать, Павел Ступин. От дежурств по усадьбе я тебя отстраняю. Так что можешь сидеть, кроссворды разгадывать.

– Это как же вы можете меня от дежурств отстранить? – не унимался охранник. – Вы что тут, новым хозяином стали?

– Хозяином не стал и не собираюсь, – отвечал Гуров. – А вот за порядок в усадьбе, за безопасность людей я отвечаю. И как такое ответственное лицо я не могу допустить, чтобы ты, Ступин, имел отношение к дежурствам. А насчет зарплаты и всего прочего не беспокойся – я с Ириной Васильевной этот вопрос согласую. Хотя ты и так зарплату получаешь, только в другом месте...

– Каком другом месте?! Чего я получаю?! – вновь заорал охранник, внезапно ставший безработным.

Однако Гуров уже не обращал внимания на его крики. Он вышел из комнаты и вернулся на кухню. Здесь царили аппетитные запахи готовящейся пищи.

– Ну что, побеседовали? – поинтересовался Никита.

– Пообщался – словно меда наелся, – сообщил ему Гуров. – Даже не знаю, полезут ли в меня теперь твои бутерброды. Да нет-нет, ты тарелку не отодвигай – это я шучу так! Ты лучше еще столько же сделай. Надо наесться впрок – когда еще опять за стол сяду?

Гуров предвидел, что в этот день, как и вчера, ему будет не до обеда и ужина.

Он как раз покончил с завтраком и поднялся из-за стола, когда на кухню заглянула Ирина Васильевна Вдовина.

– Вы здесь! – воскликнула она, увидев Гурова. – А я вас везде ищу! Мне Егор рассказал, что ночью было какое-то вторжение. Какие-то люди хотели... Что они заявляли свои права на усадьбу... И что только благодаря вам удалось их прогнать. Я и испугалась задним числом, и обрадовалась. Но главное – я хотела вас поблагодарить. Если бы не вы, представляю, какая бы ужасная сцена разыгралась нынче ночью!

– Да уж, сцена была бы прямо в духе Вильяма Шекспира, – заметил Гуров. – Какой-то «Ричард Третий» или что-то еще похожее. Ребята были настроены очень решительно. А что, вы ночью ничего не слышали? Никакого шума?

– Видите ли, я вчера переволновалась, поняла, что не засну, – призналась Ирина Вдовина. – И приняла успокоительное. Две таблетки... даже три. Поэтому спала буквально как убитая.

– Понятно... Да, хорошо, что вы меня нашли. Я, в свою очередь, хотел вас увидеть. Сообщить об этом инциденте, а заодно спросить: вам что-то известно о каких-либо долгах вашего мужа? Вы когда-нибудь слышали о компании «Финансстрой»? Вам что-то говорит фамилия Вячеслава Викторова?

– Нет, тут я вам не смогу помочь, – покачала головой Вдовина. – Я совершенно не вникала в дела Игоря. Думала, что мне это никогда не понадобится. Муж меня защитит, муж все знает,

он все предусмотрит... Теперь я вижу, что это была ошибка. Все предусмотреть невозможно. Так что я никогда не слышала о компании, которую вы назвали, и об этом человеке.

– Да, вы правы: все предусмотреть невозможно, – согласился сыщик. – И лучше быть в курсе положения дел в компании. А ваш сын – он в этом разбирается?

– Может быть, он чуть больше в этом понимает, – сказала Ирина Васильевна. – Но я не уверена. Вот кто точно все знает – это сам муж, а еще наш адвокат, занимающийся хозяйственными спорами, Борис Моисеевич Рыбак. Он живет с Москве, и у меня где-то был номер его телефона.

– Найдите мне, пожалуйста, этот номер, – попросил Гуров. – Он мне может пригодиться.

– Но вы можете поехать в Кашин, увидаться там в Игорем, и он вам сам все расскажет.

– Да, я действительно собираюсь ехать в город, видаться там с прокурором, со следователем, а заодно и с вашим мужем, – сказал Гуров. – Но я не уверен, что мне разрешат это свидание. Есть у меня такое нехорошее предчувствие. Так что лучше запастись телефоном адвоката.

– Нехорошее предчувствие? Но почему? – встревожилась Вдовина.

– Долго объяснять. Считайте, что это знаменитая милицейская интуиция. Так где у вас этот телефон?

– Сейчас я поднимусь к себе и найду, – пообещала Ирина Васильевна. – Вы где будете?

– Сначала хочу побеседовать с вдовой Аркадия, Татьяной. Надо ей кое-что сообщить. А потом пойду в гараж. Попрошу вашего водителя Семена меня подвезти. Сегодня я предпочитаю иметь водителя, а не самому сидеть за рулем. Это дает возможность подумать по дороге.

– Конечно, какой разговор! Скажите Семену, что я так сказала. Он будет в вашем распоряжении весь день.

Ирина Вдовина поднялась к себе, и Гуров вслед за ней тоже поднялся на второй этаж. Только хозяйка дома свернула направо, а сыщик налево. И постучал в дверь комнаты, которую занимали Кононовы.

– Да, войдите, – услышал он голос вдовы.

Когда Гуров вошел, Татьяна предложила ему присесть. Однако сыщик отказался, объяснив, что очень спешит. После чего сообщил, что вчера поздно вечером имел разговор со следователем и тот разрешил забрать тело Аркадия Кононова из морга. А также что он подготовит постановление о снятии с Татьяны Кононовой подписки о невыезде.

– Вы можете получить разрешение уже сегодня, в обед, – закончил он свой рассказ. – И тогда же получить тело Аркадия. Вы сами хотите везти его в Москву? Мне кажется, лучше поручить это ритуальной конторе.

– Да, я так и сделаю, – сказала Татьяна. – Большое спасибо. А следователя я навещу сегодня же, ближе к вечеру.

– Скажите Ирине Васильевне, она даст вам машину...

– Это не требуется, у нас здесь своя машина, и я умею водить. Еще раз большое вам спасибо.

Гуров откланялся и покинул комнату вдовы. Но сразу идти в гараж он не стал. Вместо этого он вышел из дома, отошел в сторону, чтобы его никто не мог услышать, достал телефон и набрал номер генерала Орлова. Генерал отозвался почти сразу, словно сидел с телефоном в руках и ждал звонка своего подчиненного. Гуров коротко, не вдаваясь в детали, рассказал о полуночном визите команды бойцов во главе с директором Викторовым, а заодно передал содержание своей беседы с охранником Ступиным.

– Я оказался прав в своих предположениях относительно этого дела, – сказал он в заключение. – Действительно, похоже на то, что убийство Аркадия Кононова – лишь часть задуманной кем-то многоходовки, цель которой – отнять бизнес у Игоря Вдовина. Заказчик убийства, он же организатор всей комбинации, находится, скорее всего, в Москве. И это может быть достаточно влиятельный человек. Его люди попытались захватить усадьбу с ходу, но потерпели

поражение из-за меня. Они могут явиться снова, уже заручившись судебным решением. И не только в усадьбу, но и на комбинат, и на другие объекты, которыми владеет Вдовин. Нам нужно предупредить их действия, заблокировать их. И сделать это можете только вы.

– Я тебя понял, – отвечал Орлов. – Да, дело оказалось сложнее, чем я думал вначале. Я-то полагал, что тут ревность, что замешан этот знаменитый певец... как его... да ты понял. Это было бы тоже неприятно. Но то, что ты рассказал, все меняет. Тут уже не ревность.

– Да, это совсем не ревность, – согласился Гуров.

Теперь можно было отправляться в гараж. Там он нашел не только водителя Семена Вихляева (тот уже завел машину, вывел ее из гаража и готов был ехать дальше), но и Ирину Вдовину. В руках она держала визитку.

– Вот тут все номера Бориса Моисеевича, – сказала она. – Он уже в курсе наших событий, ему рассказал наш второй адвокат, Чирков. Думаю, что Борис Моисеевич сможет ответить на все ваши вопросы. А я буду ждать вашего возвращения. Расскажите, как там Игорь. Я так переживаю за него!

– Законное чувство, – заключил Гуров.

Глава 15

Усадьба Игоря Вдовина находилась сравнительно недалеко от Кашина – примерно в часе езды. Весь этот час, сидя на заднем сиденье машины, Гуров напряженно размышлял. Теперь, когда его ничто не отвлекало, когда не надо было срочно осматривать место преступления, допрашивать свидетелей и отбивать нападение ночных визитеров, можно было сопоставить все факты и найти каждому из них место в картине позавчерашней ночи. Фактов у Гурова теперь было много, хоть отбавляй. Однако в общую картину они пока что не укладывались, как он ни передвигал отдельные фрагменты картины.

«Мне удалось установить самое важное – что преступление совершила женщина, – размышлял сыщик. – Вначале я полагал, что главной подозреваемой является Наташа. Что она хотела избавиться от ухажера Кононова, чтобы восстановить мир в отношениях с Синицыным. И пока что Наташа не располагает убедительными доказательствами своей невиновности. Да, она рассказала, почему не пришла на свидание – ее якобы кто-то запер в ее комнате. Но кто этот таинственный человек с ключом? Никто на эту роль не подходит. И никто пока не может подтвердить, что Наташа Глебова, 19 лет, начинающая актриса, действительно находилась всю ночь под замком.

А если не Наташа, тогда кто? Кто ходил в «зеленый грот», кто стрелял в Кононова? Может быть, Ирина Васильевна? Пока что именно она больше всех подходит на роль убийцы. Не случайно именно на нее думали и ее сын Андрей, и охранник Егор. Сама она, как и Наташа, заявляет, что всю ночь не выходила из комнаты. Сидела, слушала музыку, а потом легла спать. И ее показания отчасти подтверждаются показаниями повара Никиты Седых, который слышал звуки бетховенских сонат, причем в то самое время, которое указывала Ирина Вдовина, – что она в это время сидела и слушала музыку. Правда, само по себе это еще ни о чем не говорит: известно, что звуки музыки в нужное время и в нужном месте можно организовать, как и другие нужные свидетельства. Именно Ирина Вдовина имела возможность выкрасть пистолет из сейфа мужа, обуть его старые башмаки, выдрать записку из его блокнота и подбросить ее Кононову... Мотив? Уж конечно, не желание избавиться от ухажера. Мотив тот, который он, Гуров, предполагал с самого начала – желание засадить Игоря Вдовина в тюрьму, а его бизнес перевести на себя. Правда, если принять эту версию как рабочую, придется полностью пересмотреть свое представление о Ирине Васильевне – этой нежной, артистичной женщине, которую мужчинам так хочется ласкать и защищать. Наоборот, следует предположить, что перед тобой сам дьявол в образе женщины – дьявол расчетливый, хладнокровный и крайне жестокий. Так не хочется это предполагать! Впрочем, в моей практике уже был подобный случай, когда я сильно обманывался насчет одной женщины...»

Гуров вспомнил этот случай шестилетней давности и даже поежился – таким противным было это воспоминание.

«Нет, не хочется плохо думать о милой Ирине Вдовиной, – решил он. – Но кто, если не она? Продажный охранник Павел Ступин? Другой охранник, симпатичный Егор Кошкин? Да, оба могли бы убить – характера для этого хватит и навык есть. И могли бы выкрасть пистолет, и подменить обувь. Сбрасывать их со счета не стоит ни в коем случае. А кто еще? Сидящий впереди, за рулем, водитель Семен? Ха-ха-ха. Повар-ухажер Никита? Хи-хи-хи. Управляющий Михаил Степанович? Вряд ли: трусоват, педантичен, а для таких дел требуется смелость и воображение. Ревнивый певец Олег Синицын? Вариант, конечно... Но что-то не хочется им заниматься. Интуиция подсказывает, что здесь тупик, пустышка. Милая горничная Марина? Не хочется так думать по тем же соображениям, что и насчет Ирины Вдовиной. Кто еще? Да, есть еще несчастная вдова Татьяна Кононова. И мотив есть, очевидный мотив: ревность, переходящая в ненависть к бабнику-мужу. Как у нее глазки-то горели, когда она заговорила о

его изменах! Но стоит только представить, что все это проделала эта самая Татьяна... Украла пистолет (как?), достала башмаки, выдрала из записной книжки записку (каким образом?), заперла разлучницу Наташу в ее номере, сбегала в парк, сделала пиф-паф, вернулась, выпустила разлучницу, вернула башмаки на место и стерла все следы... Это уже не Шекспир, это Лесков, «Леди Макбет Мценского уезда». Нет, не нужно этих разрывающих душу страстей. Оставим их романистам. А мы, пожалуй, сосредоточимся на персонаже, которого я пока не называл, – на биржевом игроке Сергее Сургучеве. Вот человек, который мог все это проделать, имел для этого причину – и причину вескую... Человек, который накануне убийства имел объяснение с Кононовым... Вот им я и займусь, как только вернусь в усадьбу. И надо расспросить о нем и самого Вдовина, и его адвокатов. Если, конечно, мне разрешат свидание с обвиняемым. Что-то мне подсказывает, что меня ждет более прохладный прием, чем в прошлый раз...»

Гуров не ошибся в своих предположениях. Неприятности начались уже при входе в областную прокуратуру. Если в первый раз Гурову достаточно было показать свое служебное удостоверение, чтобы пройти на встречу с прокурором Лапиным, то теперь дежурный на вахте долго изучал документы полковника, словно искал на них скрытые знаки, потом звонил куда-то по телефону... Гурову пришлось ждать не меньше четверти часа, чтобы наконец войти в здание.

Еще большие испытания ждали его в приемной Лапина. Секретарь категорически отказалась пустить сыщика в кабинет, заявив, что «Николай Глебович занят». Можно было подумать, что у прокурора области важное совещание. Гуров сел и стал ждать. Прошло десять минут, двадцать... В кабинет входил то один сотрудник, то другой. Потом появился вальяжный господин в ослепительно-белом костюме, явно не прокурорский работник. Когда дверь открылась, впуская этого посетителя, Гуров услышал, как радостно приветствовал его прокурор. Стало ясно, что никакого совещания у него нет. Придя к такому выводу, Гуров принял решение о дальнейшем поведении. И когда белоснежный господин после сорокаминутной беседы вышел из кабинета, а секретарь произнесла все ту же фразу «нет, нельзя, Николай Глебович занят», Гуров молча отстранил ее и вошел в кабинет.

– Что вы себе позволяете?! – вскричала дама за его спиной. – Николай Глебович, он без разрешения! Он меня толкнул!

Не дожидаясь реакции со стороны прокурора, Гуров произнес:

– Я вижу, меня перестали узнавать ваши сотрудники. Может, вы меня тоже не знаете? Может, это мне показалось, что мы вчера встречались и побеседовали? Может, мне в таком случае лучше вернуться в Москву и доложить обо всем министру?

Последняя фраза, как видно, задела прокурора Лапина и заставила его изменить намеренную линию поведения.

– Почему это министру? – спросил он. – И кто вас к нему пустит?

– Есть такие люди, пустят, – заверил Гуров. – Гораздо быстрее, чем в ваш кабинет. Так что, ехать мне в Москву или сначала здесь с вами побеседуем?

– Конечно, можем побеседовать, – отвечал прокурор. – Не вижу причин, почему нам не побеседовать. У вас, я вижу, возникли вопросы. У меня тоже к вам появились вопросы. Вот давайте все это и обсудим.

– Давайте, – согласился Гуров и, не дожидаясь приглашения, прошел к столу и сел. – Давайте начнем с ваших вопросов, – предложил он. – Мне кажется, так мы быстрее перейдем к сути дела.

– Да... хорошо... – пробормотал прокурор.

Однако сразу переходить к вопросам, которые у него появились к Гурову, он почему-то не спешил. Сидел, перебирал бумаги на столе, словно искал нужную. Потом, так ничего и не найдя, поднял глаза на Гурова и сурово произнес:

– Мне поступила жалоба от директора АО «Финансстрой» господина Викторова. Жалоба на ваши самоуправные действия. Что вы угрожали ему расправой, оскорбляли, провоцировали его сотрудников...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.